

Анхель де КуатьЭ

МЕДОВАЯ ЖЕРТВА

Смерти нет. Смерть только в жизни – смерть. И сила человека не в жёсткости удара, а в мужестве понимания и чистоте сердца. Да и сам человек – не кожа да кости, трясущиеся от страха. Человек – это тот, кто познал радость близости, тот, для кого жизнь – нескончаемый танец Света. Стать Человеком – значит пережить опыт духовной смерти. Ибо, «если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода». Страхи и иллюзии должны умереть, притязания и амбиции должны уйти в небытие. А иначе, как войти в таинство близости, где соединяются Двое? Такова «МЕДОВАЯ ЖЕРТВА».

Свобода – это взгляд в лицо собственному страху!

«Бабочка! Как танцует она шёлковыми крыльями, легковесная, любящая сладость! Танцуя, переносит она пыльцу с цветка на цветок, весельем своим созидает она близость!»

Сайт в Интернете, посвящённый Анхелю де Куатьэ: www.FourZero.net

Анхель де Куатьэ

МЕДОВАЯ ЖЕРТВА

Книга Андрея. Часть третья

Санкт-Петербург
Издательский Дом "Нева"
2005

Смерти нет. Смерть только в жизни – смерть. И сила человека не в жёсткости удара, а в мужестве понимания и чистоте сердца. Да и сам человек – не кожа да кости, трясущиеся от страха. Человек – это тот, кто познал радость близости, тот, для кого жизнь – нескончаемый танец Света. Стать Человеком – значит пережить опыт духовной смерти. Ибо, «если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода». Страхи и иллюзии должны умереть, притязания и амбиции должны уйти в небытие. А иначе, как войти в таинство близости, где соединяются Двое? Такова «МЕДОВАЯ ЖЕРТВА».

Свобода – это взгляд в лицо собственному страху!

«Бабочка! Как танцует она шёлковыми крыльями, легковесная, любящая сладость! Танцуя, переносит она пыльцу с цветка на цветок, весельем своим создает она близость!»

Сайт в Интернете, посвящённый Анхелю де Куатьэ: www.FourZero.net

ПИСЬМО ИЗДАТЕЛЮ ОТ АНХЕЛЯ ДЕ КУАТЬЭ

Уважаемый Издатель!

Однажды Вы уже опубликовали под моим именем Митин дневник – книгу о четвёртой Скрижали Завета. И я искренне благодарен Вам за эту работу, это действительно очень важно. Ведь в своём дневнике Митя рассказал нам о том, что он пережил, столкнувшись с самым тяжёлым в своей жизни испытанием. Он оказался перед выбором. Он должен был переступить через свой страх, через свой ужас – страх доверять, страх довериться. И разве же это не знакомо всем нам? Каждому человеку?

Да, все мы живём со страхом в душе. Это правда. Отрицать это – значит обманывать самих себя. Подчас мы боимся, даже не осознавая этого. Но способен ли испуганный человек доверять жизни?.. Можем ли мы доверять себе, если за нашими поступками стоит страх? Например, страх показаться плохим? Или страх выглядеть глупым, каким-то «не таким»? И что наши принципы, обеты и клятвы, если и за ними прячется страх? Стоит только приглядеться, посмотреть глубже. И вот – он, наш. страх.

Я думаю, что люди, прочитавшие Митин дневник, поняли что-то очень важное о самих себе, о своей душе и о своём сердце. Я верю, что эта книга изменила их – хоть чуть-чуть. Сделала лучше, чище, мудрее.

И сейчас я снова обращаюсь к Вам с просьбой о публикации книги. Она не моя. Это книга Андрея. Того самого, что помог нам найти все семь Скрижалей Завета. Его слова придали нам сил и уверенности, когда мы только начали наши поиски. Именно благодаря Андрею Максим справился со своей болью. Андрей помог и Мите, и в поисках пятой Скрижали. Он – учитель Саши, без него бы она не открыла в себе Скрижаль. Он сам – хранитель Скрижали, седьмой. А вторая Скрижаль... Вторая Скрижаль была в его книге. Книге, которую перед самой своей смертью читал Илья.

«Каждый только хочет быть, но никто не является тем, что он есть», – эта цитата в «Возьми с собой плеть» из Книги Андрея. Андрей написал свою книгу словно бы специально для Ильи. Он написал её для человека, задыхающегося от ненависти к окружающему его миру. Для человека, который ненавидит мир, потому что в душе он ненавидит самого себя, и только себя.

Знакомое чувство, правда? Мы все ненавидим себя. Подсознательно. За то, что мы не такие, какими хотели бы быть. Мы понимаем, что на самом деле мы другие, что в нас есть Свет. Но мы же не являемся Светом! И мы ненавидим себя за это. И от этой ненависти в нас живёт страх, от этого боль, от этого – страдание сердца.

Публикация этой книги – мой долг перед Ильёй. Перед человеком, которого мы не смогли, не сумели спасти. Но даже если бы я и не чувствовал за собой этой ответственности, я бы всё равно просил Вас издать эту книгу. Книга Андрея проникнута мистической силой. Когда я прочел её, я понял, что передо мной не просто художественное произведение, не просто философский трактат. Передо мной – подстрочник мистического таинства, своеобразная стенограмма преображения духа.

У индейцев есть высшее таинство посвящения. Если перевести его название на русский язык, то получится абракадабра – «Истинная Смерть Возрождения». Но это не абракадабра. Так и есть. Чести пройти это посвящение удостоиваются только самые великие шаманы. И вот, читая Книгу Андрея, я понял, что в ней рассказывается именно об этом таинстве, об этом посвящении. Рассказывается в образах и символах понятных для человека русской ментальности – для русского сознания, для русской души. Иначе, лучше, точнее это вряд ли

можно было бы рассказать.

И сейчас я прошу Вас сделать Книгу Андрея достоянием многих людей. Дать им возможность соприкоснуться с этим знанием. Знанием, которое едино для всех народов и всех культур, но ставшее подлинно российским именно в этой книге.

Анхель де Куатъэ

ПРЕДИСЛОВИЕ АНХЕЛЯ ДЕ КУАТЬЭ

к третьей части Книги Андрея

«МЕДОВАЯ ЖЕРТВА»

Третья часть Книги Андрея – «Медовая жертва». В ней символически отображён третий, заключительный, этап обряда сакрального таинства индейских шаманов – «Истинной Смерти Воскрешения».

Христианские мистики говорят о воскрешении после смерти. Точнее – это в них говорит страх, страх перед физической смертью. Ведь душа бессмертна, и поэтому бессмысленно говорить о её «воскрешении». Следовательно они опасаются физического умирания, смерти тела, раз о его воскрешении они пекутся.

Индейские шаманы не жаждут воскрешения физического тела. Они даже улыбнутся, если им предложить такую перспективу: «Моё тело придёт к этому времени в абсолютную негодность! И не вздумайте меня воскрешать!» Когда индейские шаманы говорят о воскрешении, они, по сути, говорят о настоящем рождении.

«Истинная Смерть» – это не когда умирает наша физическая оболочка. Истинная Смерть – это когда гибнет то, что сковывало вашу бессмертную душу. И это Истинная Смерть Возрождения.

Анхель де Куатьэ

«Бабочка! Как танцует она шёлковыми крыльями, легковесная, любящая сладость! Она трудится, не принуждая себя, а потому не ропщет, не кряхтит и не охает. Танцуя, переносит она пыльцу с цветка на цветок, весельем своим созидает она близость! То, что кажется легковесным наиболее весомо!»

*Так говорил Заратустра,
но не о бабочке, а о человеке,
но об этом умолчал Заратустра.*

ОБ УМАЛЯЮЩЕЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

На работу мы (то есть – я), конечно, припозднились. Мои пациенты уже озабоченно гудели в предбаннике кабинета групповой терапии. И радостные – «Будет! Будет!» – приветствовали наше появление.

– Будет, будет! – шутливо повторил я, открыл кабинет, и все быстро расселись по своим местам.

Впрочем, мест на всех, как это часто бывает, не хватило, но те, кому не досталось кресел, расположились кто на коленях у «товарищей по несчастью», кто на столе для заполнения бланков психологического тестирования.

Зар устроился в углу на разваливающемся диванчике, так, что мне были едва видны миндали его глаз, что наполнились каким-то трепетным смущением.

– Ну, что, дорогие мои, я обещал рассказать о депрессии?

– О ней самой! – весело отвечали собравшиеся.

– Вот и хорошо: о депрессии, так о депрессии. У всех депрессия?

– У всех! – они смеялись.

– Я тоже так думаю.

«Много видел я слёз. Но скажите мне, о чём плакали эти люди, если не о себе? Я зову их плакальщиками на собственных похоронах, но не потому, что не люблю их, а потому, что не любит они себя Самих!

Одиночества боится человек, одиночества боится он более всего на свете. Но разве возможно одиночество среди людей? Нет, не одиночеством зову я пустоту сердец человеческих, но пустотой!

Пустота разъедает вас, и потому ищете вы опоры, но нет вам опоры, ибо всё временно, кроме вас Самих, и всё проходит, кроме вас Самих, ибо всему своё время, кроме вас Самих.

Только вы и будете с собою Самими всегда – от рождения и до смерти – каждый миг, пока длится время. На кого же полагаться вам, как не па самих Себя? Но именно на самих Себя и не хотите вы полагаться!

Были вы от рождения детьми и остались ими, ибо, как и прежде, боитесь вы темноты. Но тьма в вас! Так не себя ли Самих боитесь вы более всего на свете? Не от того ли вы одиноки, что боитесь сами Себя?

Смотрите вы на других людей словно бы созданы те для удовлетворения желаний ваших, но была таковой вам мать ваша, и никто другой не будет вам матерью, кроме неё самой. Что ж ждёте вы от Других?

Не ищете вы Другого, но в другом ищете вы свою мать и живёте потому в мире призраков. Плачете вы слезами детскими, а взрослых слёз не знаете вы, ибо нет слёз взрослых, но только детские. Так и я жил, так и я страдал, так и я ждал, что придёт ко мне мама моя и даст мне то, чего недостаёт мне, пока не понял я, что вырос уже из пелёнок и не матери своей должен я ждать, а жить в мире Других.

Да, одиноки вы, ибо нет в мире вашем Других. Измучены вы, ибо устали кричать во тьме спален холодных ваших, призывая мать. Нет, не желание своё должны вы пестовать, а самих Себя!

Тщетны усилия ваши себя обрести в другом, ибо как пустоту найти в пустоте? Но склоню я колена свои и боготворить буду всякого, кто поможет другому Другим быть через самого Себя! Нет, не к жертве призываю я вас, но к Жизни! Жертву прославили добродетели наши, но

ничтожны они, ибо ничтожна жертва. Жертвовать желание – значит ничем не жертвовать!

Кажется вам, что велика жертва ваша. Кабы жертвовали вы сами Собою, то была бы Жертва! Но никто не примет от вас жертвы этой, ибо она непомерна, и потому нечего вам бояться!

За жизнь свою пережил я тысячи жизней – то были жизни моих желаний. И рождались они, чтобы погибнуть, и гибли они, чтобы в гибели своей созидать Жизнь, ибо то Жизнь, что создается!

Гибли желания мои, и расточал я благовония на похоронах их, ибо гибель желаний даёт больше, чем желание могло бы взять: жертвуя иллюзией, ничего не теряю я, но лишь обретаю, и обретаю я самого Себя!

Не знаю я, кого именуют «маленьким человеком», ибо известно мне, что человек или есть, или нет его. А вы есть! – это знаю я точно, ибо не ощущаю себя одиноким, и потому говорю вам: "Вы Есть!".

Но не хотите вы самих Себя, а хотите *другого*, "бегством от одиночества" называете вы это безумие. Но разве есть у одиночества противоположность, к которой стремитесь вы?

Каким именем могли бы назвать вы противоположность одиночества вашего: любовью, взаимностью, дружбой? Нет, всё не то! Ибо нет у одиночества противоположности, кроме иллюзии, которой нет.

Кто же даст вам большее, когда и того, что есть у вас, не цените вы? Кого жалеете вы слезами нашими: казнокрадов и лихоимцев? Кого позволяете вы жалеть, когда жалеют вас? Казнокрадов и лихоимцев!

И поскольку разграбили вы сами себя, не успев ещё и стать-то самими Собою, то нет среди вас ни мужчин, ни женщин, а только тени да игры теней. В мире теней пребываете вы!

Самим Собою должны вы стать, а не представителем пола. Пол дан был вам от рождения, но вы и его растеряли, ибо не ценили вам данного! Чего ж желаете вы теперь?

Воистину, вас Самих умалили добродетели ваши! Не мужчину ищу я и не женщину, но ищу Человека! А с женщиной не могу не ощущать я себя мужчиной и с мужчиной тоже!

Не знаю я, что есть «счастье маленькое». Спросите у слепого, что смог прозреть, спросите у глухого, что снова способность обрёл слышать, спросите у безногого, что снова ходить стал, – каково счастье его?

И скажет он вам, что счастье его огромно! Так неужели же должны вы ослепнуть, оглохнуть и ног лишиться, чтобы узнать наконец сколь многое дано вам и сколь неблагодарны вы в спесивой жадности вашей!

Не знает эгоист печали, не знает уныния он и слабости, ибо знает эгоист Жизнь! Но трусите вы, добродетельные, ибо даже эгоизм измеряете вы через отношение ваше к другому, а не к самому Себе!

По отношению к самим Себе должны вы быть эгоистами, ибо супы готовятся не для тарелок, а для желудка, и одежду шьют не для вешалки, а для тела!

Вот почему одиночество ваше – не трагедия, а посредственность ума и слабость сердца!»

Загадкой, наверное, звучали мои слова для слушающих, однако они не прерывали меня и не сетовали, а плакали, ибо есть в мире вещи, которые понятны без слов, – это горе и радость.

«С горя и радости начинается наша жизнь, – думал я, глядя на слёзы их и улыбки, – но лишь от нас одних и зависит то, чем она завершится.

Кто не созидал, но брал и тратил, тот будет плакать, ибо накопил мусор. Кто привык слушать горе, только о горе и будет слышать, ибо горе нуждается в проговаривании!

Что скажут они о жизни своей, если бы теперь в ней ставилась точка? Как я жил? Многое сделал я, но разве же травинка, что родилась и погибла, отдав всё, что имела, и всё, что взяла, сделала не больше меня?

Во времени сгорят мои тексты, ибо даже если были бы они нетленны, разве же нетленно время? Дела мои и работа моя – лишь то, что не мог я не сделать, могу ли я похваляться делами своими?

Нет, эти весы играют против меня. Не в оценке деяний своих следует искать человеку ценность жизни своей, а в радости. Если радовался я, то не мог не радовать, а разве есть больше этого?

Вот скажите мне: "Завтра ты умрёшь". О чём буду думать я? Судорожно подводить итоги? Составлять смету моего добра? Припоминать свои добродетели? Как смешны были бы эти попытки!

Нет, я, верно, оглянусь назад, ибо пришло моё время к своему концу, и придут ко мне радости мои, сколько их есть у меня. Глупец назовёт их воспоминаниями, я же зову их Жизнью, ибо такова Жизнь.

"Нежна ли радость моя?" – вот о чём я спрошу себя в последний свой миг. И если увижу я на своих веках закрытых улыбки и смех, если увижу танец, что танцевал я с Другими, тогда и скажу я себе: "Нежна!".

Нет смирения во мне, нет, не смирился я и не проповедник смирения! Ибо утверждаю я радость в мире, что среди людей зовётся страданием и великой скорбью. Нет, нету в мире этом бунтаря большего, чем радующийся!

Смирение есть в страдании, смирение кровоточит в разрушении, но если утверждаю я радость – я Танцую! Кто ж осмелится назвать мой Танец смирением? Лишь тот, кто путает его с пляской!

Пусть скажут мне, что я безбожник, пусть скажут мне, что язычник я, пусть скажут даже, что я нигилист, пусть отступником меня назовут – сильнее рассмешить меня будет трудно, а я рад смеху!

Пусть скажут мне, что я всё потерял и ничего не имел, пусть скажут мне, будто бы то я творил, что нельзя создать! И теперь я буду смеяться, ибо назвали обличители мои то, что для меня пусто!

Пусть скажут мне, что нет правил; пусть скажут, что есть истина; пусть скажут, что всё тлен – я буду плакать от смеха! Пусть говорят! Ветер скажет мне больше, чем все эти иллюзии скопом!»

Смотрел я теперь на слёзы слушателей моих, обводил я их взглядом и видел, что лишь Заратустра не плачет, но смеётся. И захотелось мне, чтобы все смеялись, ибо нет ничего, кроме радости!

«У каждого из вас своя жизнь, и она одна, – так говорил я к собравшимся. – Зачем же слушать вам мои речи? Не слушайте никого, не торопитесь, а сядьте в тишине, закройте глаза и к самим Себе прислушайтесь.

В пустоту я предлагаю вам прыгнуть, ибо знаю, что в пустоте вашей найдётся Свет, которого нет дороже. Много Света в сердцах ваших, да слишком много зеркал, от того и захирел Он, тысячи раз отражённый.

Там, в пустоте вашей, увидите вы зеркала свои, вы будете глядеться в них, замороженные, но глядите лучше! – чужие лица смотрят на вас. Когда же поймёте это, то идите дальше. И снова зеркала, и снова лица чужие. Идите дальше!

Разобидится на вас пустота за небрежение ваше к зеркалам её и будет говорить вам о смерти, желая запугать своих обличителей.

И когда она скажет, что умрёте вы, если не будете смотреть в зеркала её, пожмите плечами и ответьте: "Я уже умер!". Ответьте и следуйте дальше.

И тогда возопит пустота ваша в гнев бессилия своего: "Смирись! Смирись, не то

пожалеешь!". Но не бойтесь вы злобы её, а говорите ей: "Мёртвый смирится!"

Тогда станет она ластиться к вам, усмиряя гнев свои, лебезя: "Так ищи же опору, ищи опору себе! . А вы отвечайте ей: "Хочу я пасть!" .

И тогда предстанет она в облике страшного паука с огромными клешнями и крестом на спине. Испугаетесь вы образа её, ибо знает она, чем пугать, – она пугает вас будущим.

Но и тогда вида не подавайте, будто боитесь, а пощекочите пауку брюхо его, ибо он боится щекотки. И тогда смеяться будет паук страшный, проясняя своё бессилие! Смейтесь же и вы с ним, ибо не страшится смеющийся!

Тут-то и смотрите, пока корчится в судорогах паук страха вашего: сейчас вы увидите Свет. Будет Он маленьким и бессильным, затерянным в пустоте паутины. Вы же возьмите Его в руки свои и накройте всем телом.

Далее произойдёт страшное: всё вокруг начнёт грохотать и сотрясаться, зеркала образов разобьются и посыплются на вас ранящими осколками, корни мнимых опор ваших начнут жаться к вам, словно злобные псы, в миг подобревшие, паутина пустоты вашей души будет вас, страхи ваши копошиться в телах ваших будут, как навозные мухи и черви трупные...

Но не бойтесь! Испугаетесь – предадите Свет! Бойтесь предательства своего, ибо не другого, но самого Себя предаёте вы, предавая! Сжимайтесь, терпите и кричите во всю свою мощь заветное: "Нет!!!!".

И когда достигнет нечисть ваша пика безумия своего, то услышите вы заветное: "Да!". То говорит Свет ваш, спасённый вами от страха вашего! А теперь должны вы сказать: "Довольно!" .

И отступят тогда страхи ваши, и рассеются, как дым, иллюзии ваши, и станете вы нагими, ибо наново рождены вы, и рождены к Жизни, а не к смерти. Вставайте же, избранные, и идите!

Теперь увидите вы людей, что живут рядом с вами, но которых не знали вы. Здоровайтесь с ними и, что бы ни говорили они, отвечайте им: "Да!" .

Чужими казаться будут вам люди эти, потому что они Другие, и страхи ваши поднимут отрубленные свои головы, поднимут и зашипят, вы же говорите им: "Нет!" .

Тогда обратятся к вам люди эти, завидев силу вашу, и скажут вам: "Возлюби нас, как самого себя!" .

"Так я и люблю вас, да только сами вы Себя так не любите! От того-то и не видите вы любви моей, от того-то и просите о любви", – так скажете вы.

И зашевелят отрубленными хвостами своими иллюзии ваши, и захотят они создать своё новое царство в сердцах ваших.

Скажут они вам: "Ты теперь сильный, отчего же не потакаешь ты страхам людским нами, если любишь ты их? Ведь главное – радость, так порадуй же детей сих, скажи им, что ничего они не боятся и всё правильно делают!" .

Теперь же должны вы молчать, ибо всякая иллюзия сама в себе ошибочна, так позвольте же ей сломаться самой в себе.

Помните о самих Себе в молчании своём, помните! Не предавайте самих Себя, не предавайте! Пусть идёт от вас Свет, пусть будет улыбка на устах ваших!

И если сделаете вы, как говорю вам, то придут на Свет ваш Другие, ибо Свет – Един! Когда же придут Они, то будет Танец, Танец, имя которому – Жизнь!

Знайте же, что всё уже умерло и нечего терять вам, но всё ещё может родиться, а родившись от Света, не будет оно плакать.

Так не плачьте же, ибо не со слезами надлежит вам ждать родов, но с улыбкой!

От слезы родится страдание, от улыбки – радость. Довольно же слёз, ибо радости вдоволь! Всё заключено в слове "Довольно!" – и "Да!", и "Нет!" заключено в нём. Как вы поступите с ним? Вы поступите.

А теперь идите, я говорю вам: "Да!"».

Просохли слёзы на десятках глаз, что смотрели всё это время за моими губами. Губы улыбались глазам, глаза улыбались губам. Все встали со своих мест и стали выходить из зала в полном молчании.

– А завтра будет? – спросил меня кто-то, остановившись в дверях и указывая на пустые кресла.

– А завтра будет после рассвета, а теперь ещё только полдень! – рассмеялся я в ответ.

Зар сидел напротив меня, а я смотрел на него, и чувства боролись во мне. Речь моя – игра, как и всякая речь. А как же моя *жизнь*?

НА ГОРЕ ЕЛЕОНСКОЙ

Мы вышли из клиники.

– Зар, что-то не так, – задумчиво сказал я.

– Снег, – помедлив, ответил мне Заратустра.

– Зачем въезжать в город на белой ослице, чтобы выйти из него под крестом? – мой вопрос не был адресован.

– Первый снег. Скоро зима, – прошептал Заратустра.

– От слов веет холодом эпитафий, – ответил я.

– Зима поселилась в доме человека.

– Что напишут на могиле моей?

– «Никогда не рождался, никогда не умирал».

– «Пришёл ниоткуда, ушёл в никуда».

– Слова...

– Знаки...

– Вешки и метки...

– Карта?

– Ходули.

«Да, да! "Ходули!"», – так сказал Зар о словах.

Слова – ходули: велики шаги, да неуверенны. Кто ж идёт в снежные горы, прихватив с собою ходули?

Слова означивают: подобно зимнему небу со снежной бородой, раскидывают они белый покров над миром и скрывают жизнь под своим покрывалом.

Неправда, не создают слова новой реальности, они только скрывают, подобные витиеватому узору на замёрзшем от стужи стекле. Узор этот красив, но окно превращает он в стену.

Слова убивают живое подобно ледящему холоду. Среди ледников живёт человек, страдая от холода, но даже окоченевший, не перестаёт он перебирать ледяные игрушки. Что он ищет? Что он может найти?

Слова – первый и последний миф человечества, бессильный открывать, он призван объяснить. Имя заменяет сущность. Имя делает сущность разменной монетой. Такова цена кумира этого.

Слова прозрачны, как холод прозрачен, но создают они туман. Ибо всегда говорят они больше, чем есть, и меньше, чем должны сказать.

Слово – нечто, чего всегда много и всегда недостаёт. Слово – великий мистификатор, а потому не прозрачно оно, но призрачно.

Слово – лжезагадка. Кажется нам, что скрыт в слове смысл, ибо привыкли мы искать в глубине, а лёд имеет объём, но не имеет он содержания другого, кроме самого себя. Что ж искать в глубине его, если снаружи таков он, как и внутри?

Речённое не есть ложь, как говорят, оно то только, что говорится, не более того и не менее. Кто будет требовать ото льда большего, чем просто быть льдом? А то, что лёд не жидкость и не пар, понятно без слов.

Не лжёт нам слово, но мы лжём верой своей в него. Оно же, вёрткое, подобное позёмке, как быстро меняет оно своё положение! И коли нет для нас Жизни, и коли слово для нас и есть жизнь, то как же не обмануться нам, доверившись флюгеру этому! Не там ищем мы правды, где

следовало бы искать, да и не в правде соль, а в Жизни, но Её-то, единственную, и обменяли мы на множество слов красочных, да пустых, как матрёшки!

Думают многие, что слово – это весы, но не весы слово, а грузы! Вот почему думаю я, что продажны слова, ибо всегда можно положить больше их на чашу желанную.

О, не следует нам игратья со словами нашими, ибо проиграем мы, не зная Жизни, а следуя лишь за тем, что зовётся у нас волей!

Слово – императив. Обозначив, посадили мы живое на цепь и не стали ни кормить, ни поить его, а требовать только исполнения предписаний наших. От того-то и гибнет живое, будучи обозначенным, став собственным надзирателем, благодаря имени своему. А что не обозначили мы словами нашими?..

Слово – вот он, холод сердец, вот он, великий тиран, играющий человеком. Ни шага вправо, ни шага влево – вот девиз епархии слова! Когда же поймём мы, что нетождественно слово обозначаемому? Когда же мы жизнь свою отпустим на волю? Когда ж дадим мы ей право быть Жизнью?

Подобны слова ледяным резцам, что анатомируют тело живое. И ни одна жилка не дрогнет на холодном лице слова-анатома, незнакомого с болью.

Когда строим мы фразу свою, Жизнь не способные в ней уместить и полноту Жизни теряющие, осуществляем мы вивисекцию холода.

Чем же являются для нас слова наши и череда слов бесконечная, если не иглами острыми, как ледяные сосульки! На них-то и распята жизнь наша, словно агнец, живъём освежёванный, растянута она и иссушена и Жизнью быть неспособна!

Не по лесам и лугам, не по горам и долинам, не по озёрам и рекам изучаем природу мы, но по пейзажам и картам слов наших! А потому не живём мы, но ходим по галерее картинной или по мастерской чертёжной! Одна дана жизнь нам, но её мы тратим на созерцание, а не на Жизнь!

Многое могут слова, многое! Переозначивание – вот заветный конёк их, что неведом мудрецам нашим! Ибо если бы знали они о возможности переозначения, то не стали бы и обозначать, и многое стало бы ясно им. Но не знают они, не знают, что картину реальности нашей с ног на голову перевернуть можно, означаемое переозначив!

Дурную игру затеяло слово, да нет в нас к словам своим критики, ибо сами стали мы теперь словом! Перестали мы Жить, но стали играть в жизнь, бросая кости слов на белое сукно морозного нашего савана. И не заметили мы, что это свои кости мы бросили!

Не верю я слову, но знаю я, что лучше уж переозначить, чем льститься ошибочным означением. Ибо обманулся человек, когда крест означил белой ослицей, а было бы сказано на горе Елеонской: «Принесите Мне крест, а ослицу хозяину её оставьте», – то, верно, избавлено было бы человечество от двухтысячелетнего бреда, что прославляет любовь, делая близость Двух невозможной.

Когда же любовь назовут одиночеством, тогда только и станут люди не образ искать, но человека. Когда же найдут они человека, тогда только и прекратят пляску свою паяцы одиночества нашего – чувства.

Когда откажутся люди от слов, тогда только и будет их ощущение правдой, пока же бред слов порождает чувств безумных галлюцинации. Безумие – синоним речи».

Я замёрз, сидя в подсобке. Да, правду говорят: «Холоден лёд познания!» И руки мои окоченели писать слова о словах.

Но вошёл Зар, разгорячённый весёлой борьбою своей со снегом, накинул мне куртку на плечи, и стало тепло. Вот оно, дело, что должно быть в Начале: забота о Другом.

Не работает Зар, но Смеётся он и Танцует! И слышу я Смех его, и вкушаю я его Танец, и ощущаю близость, счастье которой лишь Двум известно.

Я счастлив.

О ПРОХОЖДЕНИИ МИМО

Когда Заратустра покончил со своими делами, мы пошли домой. Мы шли длинными улицами города моего, где я родился и вырос. Красивы в городе этом фасады зданий, красивы, да холодны.

В холоде города этого лучше ощущаю я своё тепло и тепло Другого. Замерзают чувства мои, что не дают мне покоя и, подобно шутам обезьянничающим, вьют из меня верёвки.

Не любят мой город за его мрачность, а я же люблю мрачность эту, ибо делает она явственнее мой свет и свет Другого. А я нуждаюсь в этом, ибо пожираем я чувствами.

Не бывает хороших чувств, ибо все чувства слепы, сами в себе рождены они и самих себя поглощают. Не дорогой к Другому, но бегством служат мне мои чувства. Ощущать хочется мне Другого, а не ловить галлюцинации чувств моих.

Вот мы и дома. Мы поели, и я уложил Заратустру спать. Пусть спит, пусть снятся ему хорошие сны. Мне же не спится, я полон чувств, их пытаюсь я обойти, но никак не могу пройти мимо.

«Чувство – это отношение моё к ощущаемому. Поэтому чувствую в чувстве своём я только себя. Когда же рассказывает кто-то о чувствах своих, то говорит он о себе только, но не о том, о чём, как кажется ему, повествует рассказчик.

Представим: я чувствую себя обиженным. Можно сказать: "Я обижен", но нельзя сказать: "Ты меня обидел". Нельзя сказать и так: "Я себя обидел", – здесь также явственно звучит преувеличение.

Если бы кто-то хотел меня обидеть, то я ощутил бы не его действие, меня обижающее, но его желание меня обидеть. Тогда бы я мог испытать негодование, разочарование, но не обиду саму по себе.

Поэтому если я обиделся, то значит тот, кто обидел меня, не хотел меня обижать, а я зря обижаюсь. Вся ценность чувства потому в том, чтобы ощутить собственную неадекватность.

Мои чувства – барометр мой, только вот врут "сырые данные" этого затейливого прибора, нужно уметь пересчитывать их в "абсолютные единицы". Ощущения не лгут, ибо свидетельствуют о контакте. Если я чувствую обиду, значит, меня не хотели обижать, зачем тогда обижаться? Если я чувствую негодование или разочарование под маской обиды, то обидчик не достиг своей цели, ибо я не обиделся. Я перевожу "сырые данные" в "абсолютные единицы", и слетает с меня налёт обиды моей, освобождая. Так или иначе, но обида всегда оказывается на ноль помноженной – её не существует. Меня нельзя обидеть.

Но если мои чувства лгут, как же могу я достоверно знать о Другом? Я нахожусь с Другим в некоем отношении, мы с ним, как правый и левый борт одного судна: меняется его положение – меняется и моё.

Он – Другой, мне известны лишь мои изменения. Но мы составляем с ним одно отношение, по своим изменениям я могу знать, что произошло с Другим. Не чувствам, но ощущениям должен я доверять, освобождая их от заблуждений, что растится иллюзиями моими.

Так могу я о Другом знать достоверно, не покушаясь при этом на святая святых, – не претендуя на знание его Самого. Мне нужно быть чутким, я должен слышать всю гамму своих ощущений.

То, что мы считаем своими «ответными реакциями» на Другого, – это не *ответные* реакции, а наши реакции на собственные чувства о другом. Мы разыгрываем собственную пьесу, от того и неадекватны.

Если же хотим мы реагировать адекватно, то прежде должны мы знать, что происходит с Другим, и реагировать не на то, что с нами теперь происходит, а на то, что происходит с Ним. Так, мы не сценаристы, но участники.

Хочешь умереть, одинокий? Так слушай немоту собственных чувств! Хочешь жить, человек? Ощущай Другого, ибо в контакте этом ты станешь собою Самим! Всё, что мы делаем, мы делаем для себя.

Хочешь Жить – не клевети на чувства свои, но пройди мимо, дорогой ощущений к счастью близости Двух! Трудно отказаться от того, что кажется дорогим, но легко, если есть у тебя то, что дороже тебе дорогого!»

ОБ ОТСТУПНИКАХ

Выходной. Выходной – это значит можно никуда не идти или идти, если хочешь. Вот мы и пошли, пошли просто так, пошли, никуда не идя. Куда же идти тем, кто Рядом?

Мир создается Двумя, точка контакта – центр Мира. Пёстрыми огнями вращается Мир вокруг Двух. В момент настоящей жизни их стали Одной и победили пустоту одного!

Так Двумя побеждается демон, имя которому – Время!

Отступник – такое имя дано одному, ибо он только и может отступать, он и есть отступающее, а Двоим никуда отступать, ибо они – центр. Мир стал цельным, благодаря Двум, Мир обрёл самого Себя!

Так Двумя побеждён демон, имя которому – Пространство!

Тщётность – суть одного, ибо глух он к праздничным трубам Жизни и герольдам Её. Двое и есть сама Жизнь, а потому дыхание Двух – это дыхание Жизни, и нет разделённости, нет противопоставления! Единое же не может от себя самого отличаться.

Так Двумя побеждён демон, имя которому – Качество!

Малодушие – вот терзание одного, ибо барахтается он в пустоте. Кто говорит о силе, если не слабый? Так, может быть, и нет её вовсе, если знает о ней только тот, кто её не имеет? Двое не ведают силы, ибо незнакома им слабость!

Так Двумя побеждён демон, имя которому – Оценка!

Не потому ли так весел Заратустра сегодня, не потому ли так радостен он, не потому ли так лёгок, так светел, не потому ли так непринуждён он, что мы стали Двумя? Не потому ли, что Мир создается?

Как же скучны лица одиноких, особенно тех, кто ходят парами! Как напряжены их лица, как пусты взгляды! Они устали от жизни, они умерли. Отступающим от самих Себя заказано счастье Двух!

Находятся отступающие от самих Себя в плену четырёх злобных демонов – Времени, Пространства, Качества и Оценки. В этом плену и рождаются их требования к Жизни, что ускользает от притягающих!

Плачут и капризничают взрослые, не знающие того, что они уже выросли. Детьми быть не способные, играют они в детство, но счастье его заказано им, ибо счастье бывает лишь настоящим, а счастье сыгранное – только горе!

Взрослый, взрослым быть не желающий, не может быть вовсе. Нет другого пути человеку, кроме как быть эгоистом – тем, кто ощущает себя Самого.

Так что нечего плакать, одинокие с пустым взором, нечего капризничать, нечего надевать на лица свои маски скуки: ты или ощущаешь самого Себя, или нет тебя! Жизнь одна, но будешь ли ты жить? – Вот, что важно.

Есть нечто, что нужно понять человеку: всё, что мы делаем, мы делаем для себя – и плохое, и хорошее, всё. Зачем же обманывать себя, что что-то мы делаем для других, если получаем всегда только сами?

И злословие, и славу – получаем мы сами, и боль от ушибов, и наслаждение от дел наших – получаем мы для самих Себя. Проворачивает жизнь одинокий, подобно рабу, вокруг Двух Мир вращается сам!

Действовать по указке – действовать по принуждению. Но какая же разница, по чьему принуждению действуем мы – по своему или по чужому, если это насилие и боль эта закреплена нашей кровью?

Не по принуждению, но по внутреннему влечению должны действовать мы, ибо всё мы делаем для себя. А себе-то плохого не сделаем мы, а значит, предупредим и страдание, что всегда обоюдно!

Всё, что мы делаем, мы делаем сами и делаем для себя. И если что-то хорошее делаем мы для Другого – значит, нам это важно, нам это нужно, чтобы было ему хорошо. Что ж требовать от него благодарности, если сделали мы то, о чём сами мечтали?

В самом слове «желание» звучит корысть, каким бы ни было слово, сопровождающее его, пусть даже и «бескорыстие». Не бывает бескорыстных *желаний*! Не нужно питать иллюзий, не нужно играть в слова!

Если я хотел для Другого – значит, я и должен платить целиком, ибо это я хотел и мне было нужно. И стыдно должно быть требовать от Другого, чтобы он оплачивал, ибо делалось это якобы для него.

Пусть будет лучше Другому от дел моих, ибо я и хотел этого, а потому и плачу, ожидая ссуд и жертвований. А то, что ему хочется, то сам он и сделает, и сам рассчитается за дело своё, когда будут условия.

Подарок ожиданием своим благодарности превращаем мы в куплю-продажу и ждём ещё благодарности! Но что это за подарок, если ждём мы вознаграждения? Сами Себя мы обманываем, отступники!

Всё, что мы делаем, мы делаем сами и для самих себя. Но знаем ли мы точно, чего хотим? Не обманываемся ли мы иллюзией? Не затемняют ли чувства наши безмерные взор наш? Да, можем мы чувствовать обиду, да, можем мы питаться местью, да, можем мы взывать к справедливости, которая на деле – лишь желание наше бессмысленное признания другим правоты нашей. Да, мы можем!

Но что по итогу и выход каков? Боль, страдание и отчуждение – таким будет результат, нам предназначенный нами самими. Так неужели же этого мы хотим на самом деле, неужели же к этому влечёт нас сердце наше?!

И говорит мать: «Хочу я, чтобы любили меня дети мои!» Говорит так, и бьёт их палкою, приговаривая: «Люби! Люби!»

И говорит отец: «Хочу я, чтобы уважали меня дети мои за то, что делаю я для них!» Говорит и делает то, что сам хочет, не спросив у детей своих их желания.

Кто ж уважать будет за насилие, кто ж любить будет за побои? Странное дело делаете вы, отступники! Знайте же, с чем пришли вы – то и получите. Как же *требовать* можно любви и уважения?

Да и разве возможны они – любовь и уважение – по принуждению? Разве будут они нам приятны? И разве будут они любовью и уважением, если не сами произросли, но вытребованы под угрозами и нажимом? Дурной же вкус у вас на «высшие ценности», коли так!

Прежде чем желать, нужно видеть желаемое, но ведь не так поступаем мы! Слепы мы к целям, а видим лишь то, чего недостаёт нам, но ведь это не цель, а дырка в отчёте финансовом!

Прошлое путаем мы с будущим, ибо нет у нас настоящего, ибо не чувствуем мы самих Себя. Потому не о желании следует думать нам, но о влечении, о влечении, которое всегда имеет перед собой цель.

Каждый сам решает, нужны ли цели ему влечений его. И принимая такое решение, думать следует о трёх вещах:

– Другой – Другой, и, к счастью, нет у нас власти сделать его исполнительным роботом, удовлетворяющим желания наши;

– за всякие ошибки свои, за бесконечные притязания наши, собственной слабостью обоснованные, мы заплатим сами, из своего кармана, своей жизнью, которая, и это есть третье

напоминание, у нас одна.

Я не люблю назиданий, равно как споры, и бессильные протесты я не люблю. Не люблю я оправданий и те бесконечные счета, что выставляют люди друг другу. Не к этому влеком я сердцем своим! Не этой трухой следует мостить нам дорогу жизни! «Вверься законам Жизни!» – так говорит мне влечение сердца моего. Ибо законы эти мудры, и мудры оттого, что преступить их нельзя!

Мудрость Жизни не в её мудрости, а в её абсолютности, в том, что нельзя Её обмануть. Здесь не изловчишься, не передёрнешь, а если и ухитришься, то сам себя и накажешь, себя только и перевернёшь ты, хитрец, с ног на голову!

Нет у нас другой жизни, кроме той, что есть в миг этот. Так стоит ли поливать её грязью, обвинять в несправедливости и желать другой, но несуществующей? Стоит ли ожидать того, чего нет совсем, если даже то, что есть, не принято нами, а лишь отдано на поругание?!

Не отступать от самого Себя и Другого, не отступать от Жизни и Мира – вот что говорит Заратустра мне своей радостью, своей лёгкостью и непринуждённостью. И отвечаю я ему тем же.

Я счастлив сейчас, чего же желать мне ещё? Во что верить, что пытаться узнать? Кто сказал, что Бог одинок, – тот не знал Бога, а потому о себе, но не о Боге говорил он.

Множество божеств танцует ветрами шумящими: Другой и я, ощущающий себя Самого, мы Двое, Танец и Свет, Мир и Жизнь!

Я задумался, Зар подошёл и дунул мне в нос, мы рассмеялись...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вернулся Свет в обитель мою не отражением, но источником. Некогда Он ушёл от меня и затерялся. Он скитался и мыкался, кричал во тьме, одиноко было моему Свету и пусто.

Но пришёл Заратустра, и некуда мне больше спешить и нечего ждать, не о чём мечтать мне и нечего бояться. Нет времени, нет пространства, нет качеств и оценки их. Мир Двух создается Сам!

Тишина кругом, тишина. Всякая речь напрасна, всякая речь пуста, и только касание говорит, только ему неведома ложь. Я прикасаюсь к Жизни, в соприкосновении с Ней я чувствую Мир.

Касайся меня, Жизнь, касайся! В соприкосновении нашем – создаешься Ты, в соприкосновении с Тобою я оживаю. Я позволил другому Другим быть, так освободился я для Тебя, о Жизнь!

Забираешь – бери, даёшь – давай! Тебе отдаю я всё, о Жизнь, на вольные пастбища отпускаю я волю свою, нет мне нужды в ней! Большого не возьму, малого не отдам, когда же придёт срок – с ним и уйду. Нет в нас ничего самооценного, кроме точки отсчёта, что ценна, ибо она открыта контакту. Только точка отсчёта, остальное же – пустота и игра пустот. Что ж может смерть забрать у меня?

Вижу я Других. В мире Других я живу, я живу в Мире. И остановился я, ибо движения нет. В остановившихся я узнаю эгоистов, с ними переглядываюсь я глазами. Они улыбаются мне, я улыбаюсь в ответ.

Конец суеты, я остановился!

Мифы прошлого, мифы будущего не пугают больше меня, ибо доволен я настоящим. Нет ни прошлого, нет ни будущего, есть лишь взгляд настоящего. Что ж думать мне о несуществующем?

Нет, взгляд мой вернулся в себя и освободил сердце моё от тревог.<BR.

Заратустра достал с полки книгу, обтёр пыль, звонко чихнул и рассмеялся:

– Чихал я на мудрость, которая говорит!

О ТРОЯКОМ ЗЛЕ

Я сидел за столом и как раз делал очередную запись в дневник. Но в какой-то момент я вдруг почувствовал странное колебание во всём теле, веки мои задрожали, и я услышал странный, призывный шум.

Картинка перед моими глазами стала мерцать и трескаться. Всё происходило так, словно бы шар или купол, в котором я находился, стал разрываться снаружи, с невидимой для меня стороны.

Я попытался встать, но ноги меня не слушались, потом мгновенно натянулись, как два металлических троса, и задрожали. Нестерпимая боль пронзила меня насквозь. Я стал задыхаться.

Остальное помню смутно. Говорят, я кричал, но даже если и так, то я не слышал своего голоса. Постепенно память возвращается ко мне... Что это было?

Я шёл по мягкому небесному своду, меня поддерживал услужливый ветер, пурпурные облака, подобно хламиде, обледали тело. В руках я держал чашу весов, но только одну, казалось, что я сам был второй, недостающей чашей.

Какие-то тёмные существа толпились вдали. Но я не испытывал ни страха, ни смущения и уверенно шёл им навстречу. Странные и загадочные виды открывались мне в эти мгновения.

Огромная, достигающая облаков винтовая башня, которую продолжают строить миллионы натруженных рук, вопреки естественному её разрушению казалась мне сверху спиралью, что уходит не вверх, а вниз – глубоко под землю.

Мрачные круги этой гигантской спирали были полны людьми, которые кишели в них, как слепые термиты, встревоженные чьим-то внезапным вторжением.

Но в то же время эти круги казались мне чудовищными завихрениями гигантской воронки, образованной потоками ещё большей по размеру реки.

Огромный чёлн, или лодка, или, может быть, корабль неспешно бороздил ли эту реку, смыкающуюся с небом, и тёмный возничий, подобный римскому колоссу, посапывая, опускал тяжёлое весло в её ершистую гладь.

Сейчас кажется странным, что всё это виделось мне одновременно – и башня, и круги, и воронка, и люди, и река, но тогда, в тот момент, я не ощущал никакой неестественности, созерцая это захватывающее дух видение.

Моё дыхание было спокойным и глубоким, я размеренно приближался к ожидавшим меня существам. По внешним признакам они вполне напоминали людей, с той лишь разницей, что всё: и глаза, и уши, и даже кожа – были не более чем искусно выполненной бутафорией.

Они моргали своими веками над несуществующими глазами, их ушные раковины топорщились над несуществующими слуховыми проходами, их кожа напоминала костюм водолаза и была совершенно бесчувственной.

Только разинутые рты, приковавшие моё внимание, только рты этих существ казались настоящими и были подобны ненасытным жерлам. Существа эти вопили неистовым криком, не слыша друг друга.

Первая группа уродцев по-хозяйски быстро забралась в мою чашу и стала раскачиваться в ней, подобно маленьким безобразникам на гигантских качелях. Остальные же толпились внизу и тянули наверх свои костлявые руки.

И что-то говорило во мне: «Ты взвешиваешь Желание своё, Человек!»

Отвратительны были представители этой великой силы, что так чтил я прежде.

То, что называют голодом, увидел я в пустых глазах и столь же пустых желудках, что пульсировали, как пожинаящие сталь домны.

То, что называют страстью, предстало мне пожирающими ртами, с чьих губ зловонных и склизких текли струи густой, жёлто-зелёной желчи.

Похотливы, сладострастны и ненасытны были эти уродцы. Тела их, надутые, как распираемый газами труп, извивались неистово, члены топорщились, вылезая из самих себя, а рты открылись настолько, что не видно было голов!

Покрытые странным налётом языки, выпадая из мрака зияющих глоток, оплетали, облизывая, собственные тела этих отвратительных созданий, и, казалось, ещё одно мгновение – и они проглотят сами себя!

Ноздри разбухали и выворачивались наружу. Уши были подобны сосцам и наливались сами собою, а сосцы уподоблялись ушам и жадно прижимались к телам этих уродов, подобно гигантским присоскам.

Тела трепетали в судорогах и конвульсиях, мышцы исходили на спазмы и подёргивания. Сердца казались развороченными язвами, мозговые извилины шевелились, словно трупные черви, поедая собственные белёдые прожилки.

Кости гнулись, как волосы, пуская вокруг себя волны, а жёсткая щетина волос оцарапывала тела в кровь, которую немедля слизывали зелёные языки и растирали выгнутые ладони.

Я вздрогнул, и тотчас от моего движения чаша перевернулась. Секунда, и среди окружавших меня существ возникла паника, они дрались друг с другом.

Наступая на головы собратьев и опираясь на тела упавших, новая партия уродов ревниво и властно лезла в мою загрязнённую уже чашу.

И что-то говорило во мне: «Ты взвешиваешь свои Требования, Человек!»

Ещё более ужасными показались мне эти новые существа, ибо они сочленились друг с другом в моей чаше, чтобы самой ужасной из казней уничтожить всё, едва подающее признаки жизни.

Их острые, распирающие рты зубы впивались в покатые плечи соседа, разбрызгивая по сторонам его красно-коричневую кровь. Их руки рвали близлежащие тела и бросали оторванные куски вниз. Их ноги топтали внутренности тел, превращая потроха в единую зловонную жижу.

Желчь, слюни, гадкие испражнения и едкие соки в невообразимом количестве изливались этими существами, что так были похожи на людей, окрашивая дикими фосфоресцирующими красками всё это ужасное месиво, разъедая и портя.

Так, власть предстала мне дырявым, оскалившимся ртом с гниющими зубами, тщедушным телом кривыми ногами наездника и пальцами, завязанными в узел.

Так, справедливость предстала мне в образе пронырливых языков и указующих пальцев, что протыкают тела.

Мышцы уродов, напоминающие бульжную мостовую, тряслись и сотрясали. Сосцы пульсировали и давили, уши, подобно рогам, упирались, чтобы конечности лучше могли раздавить. А раздувшиеся ноздри не поглощали, а напротив, источали ужасную вонь.

Срамные места этих ужасных и отвратительных существ были столь непомерны, что одни, желая разрушить, сами трескались, а другие, намереваясь поглотить, путались в собственных складках, прикусывая сами себя.

Мозговые извилины требующих существ были подобны неумолимой плети, что обрушивалась на окружающих, издавая звенящий свист, а сердца – насосам, что изливали едкую кровь чёрного цвета со сгустками багряных тромбов.

Бордовые языки вращались, как электрические свёрла, и буравили тела, пробивая насквозь. Жилы тянулись как путы и, исходя на неистовые звуки, связывая и удушая, резали живую плоть,

подобно металлическим струнам.

Таковыми предстали мне требования людей, их стремление к власти, их попытки повелевать желаниями других.

В ужасе, перемешанном с отвращением, я так дёрнул чашу весов, что вся эта бурлящая, зловонная каша разлилась на головы безумствующих внизу.

И когда посудина моя опустела, я как-то автоматически опустил свою в миг ослабевшую руку, но тот час возникшее оживление заставило меня вновь отдёрнуть её. Тщетно, в чаше весов уже красовались уроды третьего ряда!

И что-то говорило во мне: «Ты взвешиваешь свои Страхи, Человек!»

Я ужаснулся! Ничего более ужасного не видел я прежде, ничего более ужасного не мог бы себе и представить. Это была настоящая, пульсирующая, самопорождающаяся смерть!

Острые, как молнии, языки, словно бы притаившиеся в засаде, стремительно проскальзывали меж губ, когда веки на сотую долю секунды решались открыться, и как жало пронзали пустые глаза этих отвратительных существ.

Водянистые тела глаз, подобные отёкшим мешкам, с невероятным грохотом лопались, как от внутреннего взрыва, словно распираемые изнутри какой-то безумной силой.

Острые языки выжидали, когда трясущиеся уши, завёрнутые в рулеты, хотя бы на мгновение расправятся, чтобы внедриться через них в мозг. В эту секунду языки выскальзывали изо рта и с чудовищной силой ударяли в то место, где должно находиться отверстие слухового прохода, чтобы, внедрившись здесь, в ключья разорвать мозг и, пробуравив его насквозь, победно лязгнуть.

Сейчас я понял, что значит в одно ухо влетело, в другое – вылетело! Так же поступали языки и с приоткрытыми ноздрями.

Когда же веки, ноздри и ушные раковины были закрыты – языки не простаивали, они проникали в глотку и, подобно хлысту, разрывали сердце, что колотилось в судорожном припадке, ожидая расправы, и лёгкие, что страшились расправиться, сжавшись в комок серой глины. Кровь пенилась и, фыркающая, вырывалась из глотки.

Когда же происходило какое-то шевеление в желудке, то язык мгновенно разворачивался и, подобно змее, проникая внутрь, нанизывал на себя пищевод, желудок, кишки и, вырывавшись звенящим копьём наружу, неся на своём острие зловоние испражнений, дрожал победоносно над телом, что извивалось в предсмертных судорогах.

При этом каждое движение тела возбуждало безумную волю языка, который неистово ломал кости и расщвыривал по сторонам куски гниющего мяса, становясь жёстким, как титановый прут, палашом. Едва какое-то шевеление происходило в области гениталий, язык мгновенно жадно обвивал их удавкой и вырывал с корнем, издавая при этом победный свист. В других случаях он проникал внутрь и вертелся там, подобно циркулярному ножу, превращая всё тело в огромную саморазрушающуюся мясорубку.

Поскольку же каждое из этих существ не могло не шевелиться, испытывая невыразимую боль: их веки дрожали, их головы колыхались, конечности корчились в судорогах, внутренности трепетали, – язык работал, как помело, беспрестанно шинкуя всё тело на миллиарды молекул!

Я перечислил все эти зверства по отдельности, но происходили-то они одновременно! Кто бы мог представить себе весь этот ужас!

Я был почти зачарован этим диким фейерверком самоуничтожения, но через какое-то мгновение сам задрожал, и слёзы ужаса брызнули из моих глаз.

«Так-то любит себя человек, так-то! – звенело во мне набатом. – Твои весы – виселица для человека!!! Озрись!»

И я озрился. Я был окутан небесным пурпуром, я ощущал на себе мягкое дыхание солнца,

мои ноги утопали в нежности небесного свода. И я бросил чашу, я бросил! И этот миг памятен мне более всех. Я бросил чашу, ибо я не хочу быть мерой, тем более мерою человеческому.

Подо мной началась беспорядочная возня: Желание, Требование и Страх поглотили друг друга в лице своих представителей, они сами сводили себя на нет.

Едины были они в своей бойне, ибо в требовании всегда говорит желание, в желании – требование, вместе они полны страха, который и есть желание, возведённое в степень требования.

Мне не было нужды бороться с ними, мне просто не следовало им мешать: желание и страх убьют сами себя, а требования закончат это дело.

Незачем пачкать руки в пустоте, руки человека принадлежат Жизни, а потому человек испытывает Влечение, ощущает Контакт и самого Себя. А желаний, требований и страха нет для него!

Я открыл глаза, образы реальности были ещё плохо различимы, всё кружилось. Через несколько секунд я понял, что лежу на полу в своём кабинете, и сковывающее прежде меня напряжение отпустило. Я стал дышать.

Заратустра сидел на полу, здесь, рядом. Он склонился надо мной, обнял руками мою голову и сквозь слёзы, сокрушаясь, что-то отчаянно кричал мне, но я, к сожалению, как ни старался, никак не мог разобрать его слов.

И лишь спустя пару минут, а может быть и больше, по губам его я догадался: он беспрестанно всё повторял и повторял моё имя. Я ответил ему тем же.

В тот миг я не помнил ещё ничего из происходившего со мною во время приступа, казалось, я упал откуда-то с высоты, откуда-то с неба и был совершеннейшим образом не от мира сего.

О ДУХЕ ТЯЖЕСТИ

Через пару часов мы уже были в дороге. Потрёпанная жизнью легковая машина, спотыкаясь на ухабах и шелестя колёсами по битому асфальту, летела в посёлок Песочный, в онкоцентр.

Тело всё ещё плохо меня слушалось, недвусмысленно напоминая моему сознанию о том, «что первично». Руки и ноги изображали из себя лентяев-аристократов, губы заодно с языком не спешили артикулировать речь, но в целом я чувствовал себя хорошо: боль отошла, а голова хоть и была затуманена, но, в конце концов, не более чем у всех.

Зар выглядел обеспокоенным и возился со мной как с писаной торбой, очень нежно. Мне было неудобно так его утруждать, я пытался сопротивляться и делать всё самому, впрочем, не очень успешно.

Кроме того, мне было совершенно непонятно, как, впрочем, неясно и теперь, зачем нам было ехать в Песочный, причём так срочно. Но мои слабые протесты эффекта не возымели, и мы ехали.

По приезду в онкоцентр нас уже встречали.

Стареющее здание ветшало. Облицовочный камень стен безжалостно сыпался, а окна без занавесок выглядели совсем неприветливо. Заратустра достал меня из машины, подхватил на руки и пронёс через стеклянные двери внутрь мрачного холла.

Дух тяжести царил здесь беспрекословно.

– Давай вернёмся, – прошептал я на ухо Заратустре.

– Ничего, ничего. Вернёмся, обязательно вернёмся. Сейчас обследуемся, и вернёмся. Тут я понял, что вся эта катавасия затеяна ради меня. Я возмутился, но удивление от странного состояния Заратустры, который казался растерянным (!), заставило меня самолично унять свой спонтанный ропот.

Меня захихнули в жерло аппарата для исследования ядерно-магнитным резонансом, кратко проинструктировали и удалились в смежную комнату. Через пару минут я заснул под глухой треск вертящихся вокруг меня турбин.

Я снился себе маленьким, лет трёх, может быть пяти. Я очень хотел быть любимым я не чувствовал себя любимым. Среди детворы я чувствовал себя одиноким.

Детские игры воспринимались мною как ритуализированная драка, наставления взрослых – как несправедливое наказание. Жизнь казалась мне тяжёлой, даже невыносимой в мои пять лет, она была мне в тягость. Я хотел быть любимым, я, верно, очень этого хотел.

Что бы счёл я любовью к себе – тогда, в своём детстве? Если бы кто-то признал меня и мою правоту, если бы кто-то сказал мне, что я хороший и что всё у меня получится, тогда, верно, я почувствовал бы себя любимым.

С детства учат нас жить для других и думать о других. Но не учат нас жить самим и слышать Других. Наша «жизнь для других» оборачивается ложной жизнью для себя. Ложь всегда тяжела – её следует именовать духом тяжести.

Я толк в ступе воздух, я изучал жизнь, приноравливаясь к ней. Тяжела была эта наука, и я плакал. Я плакал каждый день, плакал тихо и совестливо. Тяжело лгать – слезами проявляет себя дух тяжести.

Как показать ребёнку жемчужину его, что скрывается за безликой раковиной с морскими наростами? Как может он подарить её, когда никто не просит о ней, требуя лишь почистить скорлупу её от налёта?

Всегда я был недоволен жизнью, она казалась мне трудной задачей, которую нескоро

предстоит решить. Но не хотел я принимать заготовленного ответа: «Всё уже сделано и сделано хорошо!» Лживым казался мне этот ответ, ибо было мне плохо, а может ли мир быть хорошим, если он делает мне плохо?

Долго учился я одной вещи и научился ей только теперь: не совершать ошибок, но не по знанию, а по ощущению самого Себя.

«Как не совершать ошибок?» – спросил я у своего сна.

«Всегда говори только "Да!" или "Нет!", но никогда не говори "Может быть..."».

Когда говоришь "Нет!" – говори "Нет!", и не смей говорить: "Может, как-нибудь в другой раз?"

Ты должен знать, что отказываясь, ты отказываешься, и ты должен знать от чего ты отказываешься, а потому тебе следует говорить: "Нет!"

Когда же говоришь ты "Да!" – говори "Да!", и не смей говорить: "Согласен, но при условии...". Ты должен ощущать свою ответственность за своё "Да!", иначе оно никогда и не станет "Да!". Нужно уметь идти до конца, а в противном случае – стоило ли вообще ходить?

И помни ещё, что "Да!" всегда больше, чем "Нет!", ибо не защищает оно, но дарует и не разделено потому на стража и узника, что всегда кажется защищаемым. "Да!" – целостно и едино, как свет, потому свободно оно, ибо не знает "Да!" твоё страха.

Говорящий Другому – "Да!", обретает свободу подлинную – свободу от страха! Потому не теряет тот, кто дарует, но обретает, ибо он обретает свободу. Истинно, истинно говорю я: идёт несчастный дорогами потерь, счастливый же – дорогами обретений!

Незачем тебе быть на страже, незачем – настороже, ибо нечего тебе охранять, кроме своего страха, который, в сущности, пуст и нелеп. Быть на страже – значит, быть в страхе и охранять страх – нет судьбы хуже этой».

Как-то внезапно произошло осознание бессмысленности страха. Давно я шёл к этому осознанию, давно понимал, но не осознавал ещё до конца. Сейчас же, особенно после произошедшего со мной накануне, наступила наконец полная ясность.

Все мы знаем, что бояться бессмысленно, но мало кто осознаёт глубину истины этой. Никто из нас не станет делать дела, будучи абсолютно уверенным в его бессмысленности, например, никто не будет копать просто так яму, чтобы вслед за этим также бесцельно её закапывать. Никому и в голову не придёт тратить на это силы!

Но раз мы продолжаем бояться, понимая при этом бессмысленность страха, значит, где-то глубоко внутри мы видим ещё слепыми глазами некий смысл этой бессмыслицы.

Когда же бессмысленность страха осознана полностью, когда ты явственно ощущаешь, что бояться незачем, страх уходит сам. Впрочем, куда может уйти пустота? Её ведь и не было вовсе, только видение, иллюзия.

Страха нет.

С этими словами я и проснулся. Исследование уже давно завершилось, более того, я и не заметил, как снова оказался в машине. Мы ехали обратно...

– Зар, всё?

– Всё, всё.

– А что это за конверт? – я автоматически потянулся за жёлтым конвертом, лежащим на сиденье.

– Это результаты исследования, – тихо ответил мне Заратустра и убрал конверт в сумку.

– Ну всё? Больше тебе нечего бояться? А то перепугался зачем-то! – я смеялся, во мне говорила радость.

Мне было хорошо, особенно здесь, на заднем сиденье тёплой машины, что, не торопясь, катила обратно в город. Облокотившись на плечо друга, счастливый, я смотрел в окно, где

мелькали вековые сосны и юный снег постепенно покрывал землю. Я был счастлив.

Заратустра молчал. Я посмотрел ему в глаза, и что-то взволновало меня.

– Зар, что с тобой?

И тут я увидел тонкую струйку седых волос, седую прядь, спадавшую на его лицо. Никогда прежде в этих чёрных, как нефтяные струи, вьющихся, подобно металлической стружке, волосах не было и намёка на седину! Теперь же появился этот неведь откуда взявшийся серебряный ручеек...

– Зар?! – поражённый, я автоматически потянулся за этой прядью седых волос, но Заратустра, наметив моё движение, резким взмахом широкой ладони оправил волосы, отведя их назад, и седина затерялась в гуще чёрных волос.

– Всё нормально, всё нормально, – сказал он тихо, еле слышно, но как всегда ровно, как всегда умеренно.

Что с ним?.. Что случилось? Из-за чего он так переживает?

О СТАРЫХ И НОВЫХ СКРИЖАЛЯХ

Я всё более прихожу к выводу, что если не испытывать страха перед случайностью, то, кроме радости, она ничего с собой принести не может, по крайней мере, отсутствие разочарования гарантировано. Или я несколько утрирую?

По загадочному стечению обстоятельств теперь не проходит и дня, чтобы не объявился кто-то из моих на время запропастившихся друзей, а то и сразу нескольких! Они заходят к нам в гости, мы ходим к ним.

Заратустра всё-таки удивительный человек: все мои друзья, которые видят его первый раз в жизни, здороваются с ним так, словно знали его целую вечность!

Вообще говоря, я совершенно счастлив: вокруг меня те, кто мне дорог. Все недомолвки и обиды, если какие у кого и были, словно по мановению волшебной палочки канули в небытие.

Мы смеёмся и говорим ни о чём, это самые хорошие разговоры. О чём щебечут птицы? Странно только моё ощущение: я кажусь себе смеющимся львом в стае щебечущих голубей. Что-то не так...

Приятно видеть шумные белые крылья за спинами тех, кто тебе дорог, но разве рывкающий лев может внезапно обратиться в птицу? Я привык слышать их рывканье – они Другие, Другой не может время от времени не огрызаться.

Что же произошло? Если бы они стали смеющимися львами, это было бы вполне естественно, даже очень. Но почему – птицы?

На работе мне внезапно предоставили отпуск. Сказали, что я что-то там не догулял и надо догулять в конце года. Странная, надо признать, забота о человеке со стороны господ чиновников. Может быть, на них какую-то профсоюзную комиссию наслали?

По правде сказать, в отпуск мне не хочется, чувствую я себя достаточно хорошо. Я было попытался отказаться, но тщетно. Да и Заратустра настоял. В общем, я в отпуске, скоропостижно...

Дурно не то, что мы верим в существование «добра» и «зла», дурно то, что всё регламентировано. Мы всё делаем по расписанию – спим, едим, любим (по весне почему-то), отдыхаем и пр., и пр. Расписание – это четвертование Жизни, а как расчленённому созидаться? Нам бы следовало научиться ощущать самих Себя, ощущать контакт с собственным существом, тогда бы и отпала нужда совершать над собой насилие, что кажется наигнуснейшим.

С чего они так обеспокоились моим отпуском?

Сегодня мне пришло в голову расспросить Зара о том загадочном старике, который приютил нас в первый день знакомства. Мне хотелось побольше узнать о скрижалях, которые хранил этот загадочный лесной пустынный.

Что за мысли могли покоиться на этих скрижалях? Почему старик жаждал своего избавления? И разве радостно умирать, зная, что твои мысли обратились в прах? Зачем было их тогда хранить?

Но Зар вопреки своей обычной открытости поначалу отвечал весьма двусмысленно, а потом и вовсе перевёл разговор на другую тему.

Видимо, я его озадачил. Но чем?

Я попросил Заратустру прочесть мой дневник. Он согласился, но после прочтения был грустен.

– Что-то не так? Тебе не понравилось? – спросил я у Зара.

Он медлил с ответом, а потом сказал странную фразу:

– Ты знаешь больше, чем я, но ты – не я.

Разумеется, все мои попытки добиться разъяснений потерпели полное фиаско.

Что так его мучит? Почему он не скажет? Не хочу его торопить, скажет со временем, а не скажет, значит, верно, и не надо было говорить.

А Заратустра всё так и таскает меня по врачам. Право, это даже смешно! Я ведь и сам врач. И всё у меня в полном порядке!

Доктора долго спрашивают меня на предмет черепно-мозговых травм, из которых я могу вспомнить только то моё счастливое падение на берегу реки, когда повстречал Заратустру.

Потом спрашивают, бывали ли у меня приступы удушья, судороги, спазмы, видения, голоса. Я смеюсь и с пол-оборота ставлю себе шизофрению пополам с истерической конверсией. Эта глупая шутка всегда удаётся.

Я заметил, что у врачей добродушные лица и глаза, привыкшие к смерти. Может быть, так и надо? Может быть, и у меня такое выражение глаз? – Я ведь тоже врач.

Потом меня отправляют на исследования – одни, другие, третьи. Долго смотрят на результаты, не показывая их мне под всяческими нелепыми предлогами, и удаляются беседовать с Заратустрой.

Хотя меня и не ставят в известность о результатах этих консультаций, ответ, судя по всему, всегда примерно такой, как и тот, что я наблюдал сегодня.

Стоит профессор-нейрохирург, перед ним Заратустра. Зар что-то спрашивает, настаивает, профессор мнётся, потом отрицательно качает головой и разводит руками. Хорошо, когда врач говорит: «Нет, это не моё».

Говорят, что для достижения любой «высокой цели» нужно жертвовать самым дорогим. Это странно, даже парадокс.

Как раз для достижения высокой цели нужно жертвовать самым никчёмным, если, конечно, можно считать жертвой утилизацию мусора.

Врачи не всегда могут сказать правду, этому учит не только знание заповеди «Не навреди», но и знание жизни: никогда не знаешь будущего наверняка, а прошлое не более чем повод для интеллектуальных упражнении.

Мы гуляли по парку. Снег ещё толком и не выпал, но лёд уже схватил поверхность озера в свои страстно-холодные объятия. Забавно гулять по такому льду, дно, по крайней мере у берега, подобно какой-то фантазмагорической витрине. Жизнь нужно уметь любоваться, тогда поймёшь, что нет нужды её переиначивать. В одном из своих писем Заратустра хорошо сказал: «Не играя, но играючи». Так нужно жить. Если в жизни нет лёгкости, то нет и жизни. Мы слишком серьёзны и подобны малышам, которые с видом заправских учёных рассуждают о мировых проблемах, ссылаясь на подслушанный и неверно понятый ими разговор взрослых за ужином.

Зар слушает этих врачей?! Что они могут сказать ему обо мне? Разве сам он не знает большего?

Единственная истина такова: есть то, что есть. Но ведь это тавтология чистой воды! Поиски истины – это попытка придать тавтологии причудливую форму.

Благородный гнев и всё, что к нему прилагается, нужно выбросить в мусорную корзину! Он проистекает от путаницы, возникающей при смешении понятий истины, которая не может уместиться в понятии, и закона, который самим существом своим является делом, а не словом.

От этого дикого смешения этих диких аллюзий истина становится уродливой, и к ней возникает естественное отвращение, чего, по всей видимости, она не заслуживает; а закон от этого противоестественного скрещивания перестаёт быть формой существования, его распирает, он трескается, и в таком виде он даже по сравнению с преступлением кажется куда более

преступным.

Это надо же: Боги ходят по врачам и называют врачей Богами! Но ведь божественность не в том, чтобы продлить жизнь, а в том, чтобы стать живым и быть им!

Впрочем, врачи ко всему прочему ещё и продляют жизнь. Да, я, наверное, погорячился.

Самое удивительное в жизни то, что каждый её миг есть переход от настоящего к будущему. В точке этого перехода и ощущается жизнь, вот почему Жизнь – это то, что создается.

Настоящее – такая же иллюзия, как и прошлое с будущим. Когда говорят: «Не хочу я жить настоящим, ибо оно скучно!» – утверждают собственную безжизненность.

Наблюдать за постоянным порождением жизни, быть этим порождением – вот высшее счастье! Но об этом, похоже, знают только дети.

Впрочем, их особенность как раз в том и состоит, что они не знают о своём знании, от того-то они и могут быть счастливы!

Бесчувственные способны радоваться лишь разрушению. Чуткость, то есть готовность к ощущению, – вот семя, родящее радость!

«Всё суета» – эту фразу можно сказать по-разному. Она может стать поводом к великой печали, а может открыть нам жизнь, ибо нет ничего более ужасного, чем жить с трагическим предчувствием грядущей потери.

Всё, что было нажито, – будет потеряно. Разве же это странно? Кто трясётся из-за мелочей – тот глуп, кто трясётся из-за больших мелочей – тот ещё и болван, кто же трясётся из-за очень больших мелочей – ко всему прочему ещё и сумасшедший.

«Та сторона» есть только у лжи, но это не правда, а лгуций. Во всех остальных случаях искать «ту сторону» – дело абсолютно бесперспективное.

Слово «смирение» мне не нравится. Но вот если бы я, например, заболел какой-то тяжёлой и неизлечимой болезнью, какое бы слово мне пришлось использовать для описание своего состояния? Принятие?

Вот глупость! Как можно не принять то, что есть?!

Мы сделали из мухи слона и удивляемся теперь, отчего это наш «слон» повадился летать на навозную кучу!

Ко мне пришла делегация студентов факультета психологии. Они хотят у меня учиться. Они думали, что я хочу от них отвяжаться, а я же на самом деле битых два часа объяснял им, что учиться психологии можно лишь на самом Себе.

В каждом из нас есть ростки всего человеческого, ибо каждый из нас человек; просто нужно уметь видеть в себе человеческое, что-то нужно усилить для полноты картины, попрактиковать, «анатомировать» – другого пути нет.

А чем я могу помочь? Тем более что настоящей учёбой является не получение знаний, а работа – то есть опыт, ощущение. Я бессилён ощущать за других.

Всё кончилось тем, что пришедший Зар, не разобравшись в чём суть да дело, выгнал этих горе-студентов взащей. Удивительная, надо сказать, реакция.

Когда-то мне говорили, что нужно уметь вовремя остановиться, и что это самое сложное. Как ни странно, но самое сложное – это начать, поскольку для того, чтобы начать, нужно вернуться к точке отсчёта, к самому началу, к нулю: то есть прежде нужно отказаться, и только затем начинать, а отказаться – это больше, чем просто остановиться. Дурное дело – не хитрое!

Я стал быстро уставать. Странно, ничего ведь толком и не делаю, а устаю. Видно, слишком много я пережил за эти полгода. Человеческое не сдаётся без боя, плохой, наверное, из меня ратник.

Иногда мне кажется, что человеческое – это каркас, некий скелет, который позволяет человеку двигаться. Но он же и «троянский конь», в этом нет никаких сомнений!

Как передать, насколько дорог мне Заратустра? Человеку следует двигаться не на скелете человеческого, а любованием Другим. Для Другого ничего не трудно сделать, трудно делать только для себя.

В нём моя Жизнь, в Заратустре. Говорит ли это о моей природной слабости? Нет, это говорит о законе Мира – он таков!

Сегодня состоялся такой разговор:

– Зар, я больше не хочу ходить по врачам. Я чем-то болен?

Заратустра достал из своего ранца результаты десятка пройденных мною обследований: снимки, бланки и тому подобную ерунду. Достал и разложил передо мной на кухонном столе. Задача для третьего курса медицинского института.

– Опухоль?

Зар, не поднимая на меня глаз, утвердительно качнул головой.

– Это что, рак? Я не понимаю.

Зар медлил.

– Скоро?

– У нас есть шанс, – тихо ответил Зар.

Я уставился в телевизор. Показывали подготовку Парижа к встрече нового, 2000, года. Будет много света, а мосты над Сеной уже освещены так, что кажутся воздушными.

– У нас есть шанс, – тихо повторил Заратустра.

Я расстроился: теперь понятно, откуда голуби, отпуск, почему профессора отрицательно качают своими умудрёнными головами, почему выгнали студентов и почему, наконец, я стал так быстро уставать. Всё очень логично, в жизни вообще всё очень логично.

– Когда?

– В России не получится, придётся ехать... – Заратустра украдкой посмотрел на экран телевизора.

– Увидеть Париж и умереть, – глупо пошутил я.

И после этой дурацкой шутки я словно проснулся, словно очнулся от забытья. Я испугался, я посмотрел на Заратустру. Господи, вся его голова, словно открытый рудник, покрылась тонкими ручейками серебристой седины!

Уже столько времени он мучается моей болезнью! Господи, где были мои глаза?! Он устраивал мне эти замечательные встречи с друзьями, он сделал мне отпуск, он добивался этих чёртовых консультаций, он уже всё продумал и передумал тысячу раз. И тут я – дурак, шутник!

Я разревелся, словно ребёнок, внезапно устыдившийся своей жестокости:

– Зар! – я нежно обнял его сидящую голову, прижал к своей груди и повторял: – Зар, ты не волнуйся, пожалуйста, не волнуйся!

Сквозь слёзы я шептал ещё какие-то глупости, но потом стих. Мы не можем никуда ехать – у меня нет и сотой части необходимой суммы.

– Мы никуда не поедem, ладно? – тихо сказал я.

– Почему? – Зар поднял на меня свои замечательные встревоженные глаза, полные слёз.

– Ну как же? Деньги...

– Я достану.

– Как?!

– Достану, – он сказал это так, что всё внутри у меня перевернулось.

Эта забота, эта нежность, это беспокойство за мою судьбу – разве можно это выдержать! Я обладаю самым дорогим и совершенно бессилен ответить тем же.

Мысли о добровольном уходе из жизни одолевают меня с безумной силой. Я не хочу быть ему в тягость. Как достать эти деньги? Зачем? Опухоль чуть не с кулак!

Мысль шальная, я сделаю ему больно. Нельзя.

Я уже прожил достаточно, мне довольно. Я счастлив, о чём ещё можно мечтать?

Как он собирается достать эти деньги? Он молчит. Я не хочу, чтобы он мучился этим.

У меня никогда не будет детей.

Книги – это мёртвые дети.

У меня нет и теперь уже никогда не будет опыта брака, хотя я и знаю о браках больше, чем любой лауреат золотой свадьбы, если, конечно, он к тому же не психотерапевт.

Почему мне всегда казалось, что брак построен на лжи? Люди притираются друг к другу, на это уходит жизнь.

Ложь своекорыстна, она нарциссична сама по себе, это бег по кругу.

Жена лжёт мужу в тысячах ничего не значащих мелочах: «Чтобы он не бросил меня». Муж лжёт кратко, но по-крупному: «Чтобы она не выставила меня».

Они ещё не построили здание своей семьи, а уже думают только о том, как бы оно не развалилось. Они напоминают предупредительных пожарных, что вырыли котлован и наполнили его водой в месте, где строители собирались возводить здание. Но чем пожар лучше потопа?

Там, где страх, там и ложь, где ложь, там и страх. Ложь – зыбкая почва, как и любой нарциссизм.

У меня был судорожный припадок. Из-за удушья, продолжавшегося слишком долго, меня упекли на больничную койку, чтобы при необходимости перевести на искусственную вентиляцию лёгких.

В моей палате лежат милые люди, которые хотят излечиться, но не думают о том, что радость не имеет никакого отношения к здоровью. Здоровье ради здоровья – это обед ради обеда.

Санитарочка, которая убирается у нас в палате и выносит утки лежащих больных, смешлива до невозможности и шутит не переставая! А ей ведь 83...

Сегодня днём она пела нам скабрёзные песенки, и все хохотали. А вечером она рассказала мне о своих сыновьях: один погиб в 33 года, он был убит в пьяной драке своим собственным братом, который теперь ждёт суда в «Крестах». Так в этой простой женщине показались мне Ева и Дева Мария.

Этой ночью умер мой сосед справа. По всей видимости, повторный инсульт.

Во второй половине дня дочь собирала его вещи и спросила у санитарки: «Это его тапочки или местные?»

Хорошо, что не нужно никуда спешить, – вся жизнь на ладони.

– А ты упрямый! – сказал мне лечащий доктор с видимым удовольствием.

– Я просто устал.

Я, по-моему, единственный из всех заточённых сюда болезнью, кто не занят вопросом грядущей смерти. Не потому ли мне кажется, что только я и живу по-настоящему?

За Жизнь не нужно бороться, Ею нужно *быть*.

ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИЙ

Меня выписали из больницы.

– Ну что, поправился, голубчик? – спросила меня санитарочка, когда Заратустра собирал вещи.

Я улыбнулся в ответ:

– Берегите себя, у вас сын.

– А ещё у меня есть вода, тряпка и швабра, – сказала она, – а потому будем мыть пол!

– Дело хорошее!

Мы выходили с Заром из палаты, когда нам вслед прозвучали её слова:

– Берегите сыночка, он у вас хороший! Я опешил: «сыночка»?!

Зар, пропуская меня вперёд и придерживая рукою дверь, улыбнулся в ответ старой женщине:

– Обязательно. Спасибо вам.

Его изрядно поседевшие локоны спадали на опущенные плечи, лицо утратило былой цвет молодецкого румянца, носогубные складки отчётливо проявились, а под глазами витиевато легли десятки мелких морщин. Зар поймал мой ошалевший взгляд.

– Пойдём?

Я вышел молча.

Бездна моя открылась, чтобы молчать.

Давеча снова был припадок.

Я лежал в россыпях спелого винограда, среди розовых яблок, жёлтых и красных ягод, благовонных трав и кедровых шишек. С рук я кормил пахнущих парным молоком ягнят.

Пугливыми, но не боящимися, смущёнными, но не стыдящимися, благодарными, но не учтивыми, играющими, но не актёрствующими, нежными, но не льстивыми, желающими, но не требующими – такими были эти ягнята с глазами настоящего Человека.

И предстояла им смерть, ибо predeterminedено ягнёнку заклятие, но не знали они о ней, а потому были они живыми и потому хотелось мне касаться руками своими их нежных шкурок, потому хотелось мне прижать их к груди своей, потому хотелось мне играть с ними в догонялки на залитом солнцем лугу.

О, люди мои, будьте ж и вы ягнятами! Воистину, больше в них силы, чем во всяком волке! Больше в них мудрости, чем в любом учёном! Больше правды в бляении их, нежели во всех речах праведников наших! И менее они одиноки, чем любой из вас, ибо нет для них мира внутреннего, а есть лишь Мир!

Не простота их так греет душу мою, но их открытость! Когда центр становится целостностью, когда целостность становится центром – тогда и Мир становится Жизнью, тогда и Жизнь – Миром. Что ж оставили вы обитель свою, люди! Где же бродите вы, скитальцы души? Что ж порождаете вы пустоту? Что ж сеете в пустоте этой смуту? Это зовёте вы вечностью и вечным возвращением? Это называете вы кольцом бытия?

Зачем ищете вы смысл, когда не видите смысла? Зачем ищете вы суть, когда не ощущаете собственного существа? Человеческим хвалитесь вы, пустынноики, а оно мертво!

Человеческое поставили выше вы Человека, и не стало Его. К высшей цели стремитесь вы, пренебрегая малым. Но кто же шагает лёжа? Прежде, чем идти, – встаньте! А встав, осмотритесь: надо ли идти вам и куда идти?

Обличители жизни – слезливые. О чём плачете вы? Об утраченном или о несуществующем?

Что именуете вы состраданием, хищники: крест распятого или нож жертвенный?

Всё злое в человеке – не Человек, но человеческое. Не от зла отваживаю я вас, но от человеческого. Не предлагаю я бедствующим подати, но забираю их траты. Всё есть у вас, только не пускайте Себя на ветер человеческого!

Ничтожность не в слабости вашей, не в силе вашей ничтожность, но в сумерках, ибо они – пустота! Как же питать отвращение к пустоте? Нет и возможности обратиться к ней, слишком она изворотлива!

На мгновение я очнулся, Зар держал на мо лице пластиковую маску переносного кислородного аппарата.

– Всё хорошо, всё хорошо, не волнуйся! – шептал он.

Я улыбнулся.

«Где твоя лира? – спрашивали меня ягнята. – Где твоя лира?»

«Вы – моя песня, – так я отвечал ягням. – Радость ваша – вот он, мой Танец!»

«Чего же ты ждёшь от нас?»

«Вас Самих!»

«Что же мы будем делать?»

«Петь в Танце! Делать то, что называют пустым, чтобы не было пустоты!»

«Но не вернётся ли пустота к нам?»

«Нет возвращения, ягнята мои, ибо Жизнь не спотыкается! Будем же Танцевать на вершинах, где настоящее становится будущим! Не будем спешить, но и не будем опаздывать! Одна у нас жизнь, одна!»

«Мы боимся смерти твоей. Мы боимся пустоты. Мы будем тосковать о тебе!»

«Не от того ли радовались вы рождению моему и хотите плакать на могиле моей, что много ожидали, но ничего не приняли? Примите сейчас, когда даю вам!»

Когда же уйду я, то будете иметь вы то, что я дал вам, и не будет более пустоты, ибо вам я дам вас Самих, ибо ничего другого нет у меня!»

«Но разве не следует нам стремиться к большему, как учили нас?»

«Всякая звезда умрёт, но не всякая грела! Возьмите тепло моё, а своё отдайте Другим. Большого не может быть! Живущий благословляет Жизнь!»

И ели ягнята с рук моих, лаская ладони мои шершавыми языками своими. И пели они мне свои весёлые песни. И потом игрались мы на залитой солнцем поляне.

У Жизни брали мы Её тепло и отдавали друг другу: так колесо вечности перестало быть орудием казни, а потому не стало жертвы, но стала Жизнь.

Зар говорит, что я долго был в забвении:

– Ты лежал тихо, с закрытыми глазами, как спящий, хотя и не спал, ибо слышал я голос твоего сердца, и пело оно обо мне.

О ВЕЛИКОМ ТОМЛЕНИИ

Сколько прочёл я книг о душе! Сколько замечательных слов о ней сказано! Сколько песен страстных исполнено в её честь! Но не от того ли пишут, не от того ли говорят, не от того ли поют, что ищут? А коли ищут, то не от того ли, что не имеют?

Душа – слово о времени и пространстве, слово о несуществующем. Страшащийся, метущийся в бесконечности иллюзорных координат своих ищет себе опоры, но нет в пустоте опоры, ибо она пуста. Нет опоры этой, но только имя её, только отражённый звук, только эхо печали; это имя – душа.

Неспособный с Другим быть, боящийся и Другого не знающий мучится одиночеством. Что же делать ему, как не создать себе собеседника – фантазийный образ души собственной? Он подобен ребёнку маленькому, что мечтает о питомце домашнем, в котором жаждет найти себе друга. Сколь же иллюзорен путь этот!

Одинокие говорят о душе, и говорят они страстно, чтобы страстностью своей отринуть сомнения, ибо они гложут их, ибо одиноки в себе говорящие о душе! Мир заставляют они кружиться вокруг этого мифа, вокруг идола своего, вокруг души!

Убеждённость слепа, а убеждённый – безумен. Убеждённость – только способ заставить сомнение замолчать. Но стоит ли вообще давать повод сомнению? Не лучше ли просто лишить его места? Надо ли придумывать миф, чтобы жизнь свою положить на его защиту? Как же не любят Жизнь те, что говорят о душе!

Почему же так стремятся глашатаи души приписать ей самое лучшее – нежность и силу, жизнь и мудрость? Не от того ли, что чувствуют себя обделёнными лучшим? Идолу своему отдали они всё, что имели и могли иметь, а потому всё потеряли! Воистину, нет на земле бездушных более, чем те, что говорят о душе, ибо они говорят вместо того, чтобы делать!

Радуйтесь же, безумные, ваш идол опух и оплыл от подношений и несметных даров ваших! Всё вы отдали ему на откуп, всё перепоручили вы его мёртвому телу. Думали вы, что распорядится он вложениями вашими, а он жуликом оказался и шарлатаном!

Сами не хотели вы делать, ибо страшно было вам быть, возложили вы труд этот на душу вашу, а её нет, и потому вложения ваши сгорели, как сухой хворост! Вот что значит геенна огненная, нищие духом! Странно ли, что вы не согрелись? Страх за своё, за добродетельность вашу и целомудрие лишил вас открытости, лишил счастья вас быть с Другим. Выбрали вы с душой быть вашей, ей присягнули, солдаты безумия! Но разве же не стала эта присяга предательством? Разве не отступились вы от самих Себя? Страх за своё лишил вас самих Себя, но дал вам душу – пустоту выменяли вы на Свет, ибо в пустоте только обитель страха вашего!

О, как же смешны мне теперь разговоры о бессмертии души вашей, как же смешны они мне! Да, бессмертна пустота, бессмертна, ибо никогда не жила она вовсе!

Ныне отрекаюсь я от бессмертия, и секундой его не дорожу я, ибо если не было мне Жизни, то даром далось мне и такое бессмертие!

И если спросят меня: «Хочешь ли ты хоть единственный миг Встречи твоей с Другим обменять на бесконечность бессмертия?», то, какие бы страхи ни одолевали меня, я скажу: «Нет!»

И не потому скажу я так, что дорога мне синица, а потому, что не люблю я журавлей дохлых, пусть даже и гвоздями прибитых к небу!

Не нужны мне представители для переговоров с Другим, ибо с Ним не веду я переговоров. Сам я с Ним буду, а душу разглагольствующую свою отправлю я в царствие небесное – пусть там

прохлаждается, пусть там остынет, пусть там и замёрзнет!

Сам, не через кого-то и не с помощью, хочу я брать и давать, сам хочу быть. Ибо знаю я лишь одно, но знаю точно: дана мне одна жизнь, и не будет Жизнью она, если отрекусь я в страхе своём от Другого или убоюсь инаковости его!

Не могу я даже думать о смерти, но не потому, что боюсь о ней думать, а потому, что не знаю её. Но жизнь, Жизнь – я знаю и хочу знать! И Ею я хочу быть, Её ощущать!

Не по мне томление душ, не по мне их страдания. Я живу, и живу я сейчас! Я перехожу в будущее, я Танцую, касаясь стопами своими тёплого тела Её! Я Танцую под Пение Другого. Он Поёт песнь моей жизни, он моя Жизнь! Пусть скажут мне, что я разрушитель, пусть скажут мне, что давлю я виноградные гроздья! Пусть! Я не страшусь, ибо я знаю это, и нет для меня в словах этих ни укора, ни откровения.

Пусть будет вино! Да, я винодел! Жизнь благодатная дала мне сочные виноградные грозди, и я не стану дожидаться, как тощий святоша, пока сгниют спелые тёмно-золотистые ягоды, и сушить их я тоже не буду!

Да, я Танцую на плодах своей жизни, вино своё я давлю для Другого, с Ним буду я пить бархатистый напиток, но не на поминках жизни своей, но за Её здравие! Мы будем пить вино Её жадно, Мы будем пить Её весело, ибо Мы – Она!

Пусть же Поёт Другой песнь свою для меня, а я буду Танцевать в благоухании Песни его, увитый лозой, на виноградных гроздьях; ибо нет меж Двух ни того, кто даёт, ни того, кто берёт, а есть лишь Они друг для друга! Мы будем пить вино Жизни, так будем благодарить Мы Её, так будет Она созидаться!

ДРУГАЯ ТАНЦЕВАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Столько времени я убежал от Тебя, о Жизнь! Так стремился я к высшему, так ковал узы свои, так стремился я к лучшему и так прокалывал глаза свои золотою иглою!

Сколько пестовал я своё, сколько строил, как гордился я трудами своими! И в возвышении этом падал! Я отрицал Тебя, о Жизнь, я отводил объятия Твои, я не был Тобою доволен.

Но не Ты, а я сам уничтожен был своим отрицанием! Не Ты, но я был в себе одинок, на деле не Тобой, но собою был я недоволен. Так платим мы за наши ошибки, ибо каждый платит, и платит он сам за себя!

Сколько же было во мне тщеславия, сколько безумия! Но ныне, когда смотрю я стыдливо в глаза Твои нежные, о Жизнь, то вижу я, что нет и них обиды, нет назидания, ибо Ты щедра!

И сколько б ни старался я, обезумевший, самого Себя уничтожить, Ты всегда была *рядом*, и терпеливо ожидала Ты моего пробуждения! Ныне же очнулся гонитель Твой от своего забвения!

И лишь теперь вижу я, что был я слепцом, ибо стал теперь видеть. И с ужасом думаю я теперь, что мог не успеть! Вот он, единственный страх, что остался теперь у меня, и этого страха не хочу я лишаться – пусть он будет напоминанием мне, пусть будет он мне порукой!

Многие дороги исходили ноги мои, многие ботинки мои истоптались на дорогах тех, пусть же и мозоли на стопах моих будут напоминанием мне! Не хочу их скрывать и залечивать!

Так смотрю я теперь на осколки иллюзий моих, словно старые это вещи, словно одежды, из которых я вырос уже и не могу носить более.

И вижу теперь, что самая большая из иллюзий моих – это иллюзия возможности избавления от иллюзий! А потому осколки иллюзий своих я не выбрасываю, но храню бережливо, пусть будут они мне порукой!

Самою Себя обрела моя жизнь, но нет в том заслуги моей, ибо я встретил Другого! Так пресеклось хождение наше по кругу иллюзий, и открылась Нам Жизнь, что не знает предела!

Ныне испытываю я Жажду, равновеликую Жизни, а потому, Жажду испытывая, я исполнен и нет во мне недостатка. «Довольно» перестало быть узами, а стало отныне ощущением моим полноты.

Вот Он, Твой Танец, о Жизнь!

О Жизнь, как же легко Ты Танцуешь, как свободно кружишься Ты в Танце своём! О Ты, не знающая границ и противоположностей, не ведающая страха, я предался Тебе безраздельно! Отчего думал я прежде, что великое должно быть тяжеловесным? Как же тяжёлое может порхать, как может оно в Танце кружиться? Истинно великое легковесно! И как всякое ощущение легко, так и всякое истинно великое – невесомо. Ты, о Жизнь, смотрела на меня лучезарными глазами своими, полными тепла, и всё от себя Самого я отринул, чтобы кружиться в Танце Твоём с Тобою!

И отринув от самого Себя всё, стал я открыт для Другого. Открытость – вот сущность Kontakta, через которое созидается Ты, о Жизнь! Говорят, что скоро жизнь покинет меня, но ведь и жизнь свою от себя Самого я отринул, отринув всё, отринув всё ради Жизни, а потому не страшна мне потеря грядущая, ибо нельзя потерять то, чего не имеешь ты, чем не можешь ты обладать!

И теперь Ты, о Жизнь, шепчешь мне на ухо мелодии Твоих Песен, касаясь губами своими ушей моих и лаская щёки, как только Ты и умеешь. И смеюсь я отныне легко, и смеюсь звонко, словно маленький колокольчик, мне ведь щекотно, танцующая шалунья!

Какая же разница, Жизнь, сколь ещё мне осталось, сколько кругов ещё обойдёт моя стрелка,

если всё уже я обрёл и ничем более не обладаю, свободный от составления завещаний!

Ныне наг я, и я полон, и боготворю я Других, в которых вижу я Жизнь, которая создается!

**СЕМЬ ПЕЧАТЕЙ (ИЛИ ПЕСНЬ О НАЧАЛЕ И
КОНЦЕ)**

Если я счастлив, то счастлив я благодаря Другому.

Много думаем мы о других, но всё пустое, ибо не о Других думаем мы, а о своём и потому одиноки, потому несчастны!

Нельзя о Другом думать, но не оттого, что запрещено, а оттого, что невозможно! И когда смотрю я на молнии, что источает Другой, когда замороженно гляжу я на его «Да!» и «Нет!», то ощущаю я дыхание Жизни!

Как же не позволить другому быть Другим? Разве не есть это высшее преступление, ибо лезвие его обоюдоостро!

Видел я, как небо разбилось о скалы, видел я, как испарилось море – то было недовольство одного Другим! Мрак и пустыня – недовольство это! В нём и зрячий слеп, и живой умирает от жажды.

Что ж пытаемся менять мы Другого, не оттого ли, что недовольны сами Собой? Всякий, кто ищет пустоту – найдёт её, но ничего не обретёт он, но лишь тот, кто ищет Другого и найдёт всё!

Другой разрывает безумие вечного кольца возвращения, ибо свидетельствует он, что всякий – Другой, и ничто не повторяется! И пока есть Другой – всё ново, а значит Жизнь создается! Вот отчего счастлив я, благодаря Другому!

Если живу я, то живу я благодаря Контакту.

Всё, что мы делаем, так это создаём границы, да пограничные столбы вкапываем. Кто сказал, что границы – зона контакта? Тот, кто не знает ничего, кроме собственной пустоты.

Границы можно лишь охранять, можно их двигать, но и отступающий, и нападающий вечно остаётся в своих границах, лишь несколько изменённых.

Миры, обнесённые границами, подобны удушливым и зловонным склепам. Границы подобны нитям липким паутины мёртвой, что на коротком поводке держат своего обладателя.

Пусть бы даже весь мир оплёл паук этот сетями своими – он останется одиноким, этот носитель смерти для всех летающих!

Страшно терять нам границы свои, но иначе скрыты мы от Другого. Смертью кажется нам утрата границы, но она-то и есть единственный путь наш к Жизни!

Ибо Жизнь создается в божественной мистерии Kontakta! Контакт – и есть то божество, которое отдали мы на поругание своему страху, страху смерти, умершие прежде рождения.

Нет, не люблю я другого, ибо любовь стала у нас страданием. Я открыт, я изливаюсь, я ощущаю Другого, и Жизнь создается в Нас!

Вот почему живу я благодаря Контакту!

Если проявляюсь я, то проявляюсь я благодаря Свету.

Темны сумерки одиночества, и куётся в них тьма. Пусто творчество одинокого, ибо грезит он о том, чего нет. Идеализм – порождение одиноких, обитель несчастных. Холодны звёздные хороводы идеалистов!

Почему же свет мы ищем во тьме, почему лишь во тьме кажется нам он ценным? Молнией зовём мы то, что ценим, то, что разрушает. В борьбе рождаются искры, но чем пламя пожара лучше леденящей бездны?

Отчего же не ищем мы источника Света, а ищем лишь только лучи его? Оттого, что отрицаем Другого!

Свет освещающий порождает тени, и только сам по себе не отбрасывает Он теней! Живут зеркала отблесками света, но не Светом самим, а потому красота луны не делает её менее мёртвой!

Лишь одно творчество ведомо мне – это Жизнь, ибо Она – то, что создается! Всё призрачно, кроме самой Жизни, ибо Она вне определяемого. А потому дела мои – только отблески, они радуют глаз, но и только.

Источник Света моего, а не творения мои – вот моё творчество, ибо я не творец, но созидающийся!

Свет мой разрывает колесо вечного возвращения, ибо не для вечности творю я, но источником Света хочу я быть для Другого!

Вот отчего проявляюсь я благодаря Свету!

Если есть я, то есть я благодаря ощущению самого Себя.

Сколько занят я был собою, да так, что и не было меня вовсе! Пестуя своё, не был я собою Самим, но только своим, своим, и только. Так я и пил из этого кубка своё, но не насыщался. Все достижения мои были лишь ядом, ибо фанфары побед моих сковывали меня страхом!

Кто сказал, что море – это солёная вода? Неужели же я морем сегодня полоскал себе горло больное? Нет, море – это Море! И я – это не моё, но я Сам.

И Жизни неведомо моё, всё моё обратит она в пепел, и за это я Ей благодарен! Лишь ощущая самого Себя, соучаствую я в созидании Жизни, ибо только самим Собою могу ощутить я Другого, но не своим!

И когда ощущаю я самого Себя, то останавливается колесо вечного возвращения, и создаю я Жизнь, которая и есть то, что создается!

Не знает Другой моего, ибо моё делает его другим. Но алкает Другой меня Самого, ибо Он алкает мой Свет! Ему несу я самое дорогое, что есть у меня, – самого Себя, ибо не боюсь я Другого, ибо ощущаю я близость, ощущаю Контакт, в котором и создается Жизнь!

Вот отчего я есть благодаря самому Себе!

Если ощущаю я полноту самого Себя, то ощущаю её благодаря Миру.

Что ж так любим жить мы среди развалин? Что ж тлен для нас Жизни дороже? Что ж ищем мы в крошечной тьме одиночества? Не от того ли, что мы недостаточны?

И вот я сказал: «Довольно!» Я сказал, переступая страх свой, и открылся мне Мир, ибо остановил я свои поиски, и стал я собою Самим, стал и источником Света, открыт ныне я для Другого!

Для Двоих создан Мир, ибо Двое есть Жизнь, ибо то она, что создается! Божественная пара – Мир и Жизнь – вот обитель Двух, что являют собой Света единство, который Един! Вот какова моя полнота, что ощущаю я благодаря Миру!

Не знает Мир кольца вечного возвращения, ибо не знает Он нуля и бесконечности также не знает Он, ибо неисчислимы Мир, ибо как можно счесть Свет в обители Света? В полноте своей перестал я вращаться, и ушла суэта, а Жизнь исполнила Мир, создаваясь!

Вот отчего ощущаю я полноту самого Себя благодаря Миру!

Если я светел, то светел я благодаря Танцу.

Сколько мы сокрушаемся, сколько сетуем! Во что превратили мы мир! Воистину, если бы не умерли мы ещё, то следовало бы нам умереть, не умеющим Танцевать!

Почему так ценим мы пустоту и радости нашей не знаем? Не от того ли, что не ощущали мы золотисто-изумрудного восторга своего Танца? Но как же можно не Танцевать, если Свет Един, Мир создан для Двух, а Жизнь – это то, что создается?

Долго я был плясуном, долго плясал я на потребу зевак, подобно рыночному скомороху, ибо самим Собою я не был и не знал я счастье Контакта, ощущая Другого! Но, открыв Другого, разве мог я удержаться от Танца!

Сколько помню себя, всегда было у меня тело, но никогда не был я своим телом, ибо не был я самим Собою. Теперь же я ощущаю свой Танец, каждой толикой своего существа я Танцую и Пою музыкой Света!

И ныне Мир играет Двум на божественной лире своей, и ныне Жизнь создается Нами, растворяя вечность!

Стал для меня Другой альфой и омегой, и поманила меня мистерия Танца, и в обители Света обрёл я радость свою!

Вот почему светел я благодаря Танцу!

Если радостен я, то радостен я благодаря Жизни. Созидается Жизнь, созидается! Слышу я Её сладкое Пение, и кровь весёлая вскипает в жилах моих! Я люблю Танцем божественным Жизни, что подобен изгибу крыла, что как птица свободен, и рвётся мой страх, мой истлевший саван!

В обители Света созидающееся лучится! Вот я и стал легковесным, ибо пали тяжкие путы! Ибо Другой приходит и берёт меня за руку, озаряя глаза мои своим Светом! Танец возвращает меня к Жизни!

О, Жизнь, ныне узнаю я Тебя! Неужели же знал я Тебя и прежде? Неужели же мог я покинуть твой божественный край? О, как же был я безумен! Как тяжелы были путы мои, как безгранична была моя слепота!

Но нет больше слов, всё теряется в Свете, Свете, что не отбрасывает тени, хотя Нас Двое! Но я знаю ответ – Ты Един! Так вот же я, Свет! Мы Танцуем, и созидается Жизнь, ибо она то, что созидается!

Разрушены ныне границы вечности, рассыпалась она и освободила радость мою, что обрёл я в Жизни благодаря Другому!

О Жизнь, я неразумное Твоё дитя! Прими же радость мою, ибо я счастлив! – Такова моя благодарность!

ЖЕРТВА МЕДОВАЯ

Неделя прошла в сборах и приготовлениях. Заратустра переполошил полгорода, я же потрясён и обескуражен: я и представить себе не мог, что столько моих друзей, бывших пациентов, да и просто знакомых немедленно и абсолютно конкретно откликнутся на произошедшее, причём без всякого моего внутреннего на то согласия. Мне неловко, да я бы никогда и не принял этой помощи, само их участие – вот что бесконечно дорого.

Эта забота, столь непосредственная и столь искренняя, заставила моё сердце биться с таким волнением, что я едва был способен вымолвить надлежащие слова благодарности, узнавая о каждой новой «медовой жертве».

(Зар почему-то называет эту сердечную помощь «медовой жертвой», может быть потому, что друзья мои нежно жужжат, как трудолюбивые и, мне кажется, всё же несколько сердобольные пчёлы?)

Я смущён, мне неловко. А когда уже через каких-то пару дней Зар отрапортовал, что необходимая сумма собрана, я расплакался, сам не знаю почему.

Впрочем, я как и прежде считаю, что друзья познаются не в беде, а в радости. Раньше я говорил (это есть даже в какой-то из моих книг), что попавшему в беду поможет любой уважающий себя человек, но только радость разделит со мной настоящий друг.

Теперь я знаю и ещё кое-что: в беде друг поможет мне с радостью, а я буду рад этой помощи не как доказательству дружбы, но как свидетельству нашей неразделённости, нашей близости.

Мне много говорили о глубине: этот, мол, «глубок», а этот – «поверхностен», кто-то «высоко поднялся», а этот «пал». Странные разговоры. Искать нужно не вертикали, это только лифт ездит вверх-вниз, а ширину – это честнее и лучше.

Благодаря моим близким, моим друзьям я чувствую себя широким. Высота анахронична, и потом, ведь никогда не знаешь – вскарабкиваешься ли ты наверх или же на самом деле устремлён вниз. По крайней мере, достоверных критериев здесь нет.

«Медовая жертва»... Заратустра что-то говорил мне о цветочной пыльце, о нектаре плодов, о фруктовом воске. Он говорил мне о бабочках и пчёлах, «они вкушают и создают, порхают и трудятся, они самодостаточны, но не замкнуты в самих себе, они ласкают глаз и дают пищу». Не очень хорошо помню, но Зар говорил об этом как о чём-то очень важном.

Зар совсем поседел, его голова стала белой, почти сахарной. Он подстригся очень-очень коротко.

Множество больших и малых морщинок, как трещинки на старинной картине, покрыли его живое лицо. В глазах, к счастью, не появилось грусти, но они стали ещё более пронзительными, ещё более зоркими.

Я ужасно мучаюсь его волнением, право, происходящее со мной совсем того не стоит! Зачем же так из-за меня переживать? Всё так естественно – как-то же нужно умирать. Не хочется думать, что все они готовятся к моей смерти, я ведь жив ещё пока ..., а этого «пока» вполне довольно.

Перелёт прошёл нормально. Мы в Париже, пока поселились в отеле, но уже завтра меня положат в больницу. Сегодня были на приёме у нейрохирурга, меня посмотрели, дообследовали. Операция, по всей видимости, через два дня, паллиативная: частично удалят опухоль и освободят от чрезмерного сдавления зону дыхательного центра. В сочетании с химиотерапией можно будет ещё какое-то время прожить, хотя и не долго, а потом отправлюсь на «Елисейские

поля», но не на те, что здесь, а на те, куда отправляются с чувством выполненного долга. Хочется шутить, так, смехом, уничтожается идеализм, а потому – страх. Его смерть – самая забавная из всех.

Мы гуляем по Парижу, я уговорил Зара сходить в Лувр (впрочем, он и не сопротивлялся), мне хотелось увидеть три заветные картины Леонардо. Почему-то никогда не думал, что это возможно, а ведь, в сущности, такой пустяк!

Не столько меня поразил Париж, сколько его люди – все готовятся к торжеству, очень забавно. Люди всё-таки – малые дети, причём во всех смыслах и во всех ипостасях. Они ждут чуда и как дошкольники, и как доисторический австралопитек. Они не спешат в этом признаться, но разве это не написано у них на лицах?

«Чудо!» Сказка – вот она, предполагаемая человечеством правда жизни, с прилагаемыми в комплекте принцами и принцессами. Всё мы ищем по ту сторону, но ведь по ту сторону сказки – только сказочник. Кто же по ту сторону чуда? «Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать», – это мог сказать не только француз, но сказал именно француз.

Наверное, на парижских улицах наша пара выглядит самой забавной: высокий и статный, седой, но коротко стриженный старик, с юным, как вечная весна, взором, держит под руку весьма, надо признать, молодого человека среднего роста, взгляд у которого, конечно, не очень, и вдобавок ковыляет он враскоряку.

Когда у меня начались проблемы с координацией и походкой, Заратустра подарил мне шикарную чёрную трость с серебряной рукоятью, я ещё в детстве о такой мечтал. Странно, да ... И всё же очень красивая, правда, я уже вполне с ней управляюсь. Зар называет её моей удочкой – я ловлю на неё взгляды прохожих. Люди странно устроены...

КРИК О ПОМОЩИ

Где я очутился? То ли лес, то ли горы, покрытые лесом? Я не так много путешествовал, чтобы с ходу разбираться в подобных тонкостях. Но растительность, действительно странная. Деревья высоченные, с толстыми, благородными стволами и сочной зеленью, наглухо закрывающей небо. У хвойных иглы длинную с кисть взрослого человека. Земля покрыта жестким тёмно-зелёным мхом, а трава мясистая, влажная, опутывает стопы, словно карликовые лианы. Это или лес радиационного происхождения, или Эдем до генеральной уборки!

Я оглядываюсь, мои глаза буквально спотыкаются о старика, стоящего неподалёку. На нём простой наряд из грубой мешковины, длинные волосы, борода до самого пояса, в руках огромная палка с загадочным, массивным утолщением сверху. Лицо морщинистое, как высушенная репа, глаза почти стеклянные, еле заметные из-под густых нависающих бровей.

– Прорицатель? – почему-то спрашиваю я, без тени удивления в голосе.

– А ты друг Заратустры? – с той же уверенностью, словно лишь для соблюдения некой формальности, уточняет он.

Мне ничего не остаётся, как только качнуть головой в знак согласия.

– Зачем вы пришли смущать царство мёртвых? – его брови сошлись на переносице, и холодный упрёк блеснул под неморгающими веками.

– Царя или мёртвых?

– А ты хитрец! – улыбаясь, дивится старик и символически грозит мне своей дивной клюкой.

– Это царство мёртвых?

– Это мир одиноких.

– Мир одиноких... Понятно, – я выдерживаю паузу. – Зачем врешь мне, старик? Разве спрашивает прорицатель о будущем у несведущего? Разве может существовать мир одиноких, а не множество одиноких миров? Разве можно навещать мёртвых?

Старик пристально смотрит в мои глаза, но я без труда выдерживаю его стеклянный взгляд.

– Тебя зовут, – наконец говорит прорицатель.

– Я ничего не слышу.

– А ты не слушай, – отвечает он.

Я перестаю прислушиваться, и меня словно пронзает звуком – это голос, это крик о помощи, крик едва различимый, но по значению своему абсолютно конкретный: крик о помощи.

– Кто это?

– Тебе лучше знать, – упирается старец и трясёт своей всклокоченной бородой.

– Это не Заратустра, он там, где молчание. Я не хочу идти на этот крик, он не вызывает во мне сострадания.

– Ты свободен. В царстве мёртвых нет ни у кого над тобой, живым, власти, кроме тебя самого. Хочешь – стой, хочешь – пляши, хочешь – пади навзничь, хочешь – иди к Заратустре, он дожидается тебя в пещере одиночества, а хочешь – ступай на зов. Твоё дело!

– Прежде чем отказать, следует знать, кому показываешь. Я пойду на зов. Ты же, старик, – обратился я к прорицателю, – иди в пещеру, я не хочу, чтобы Заратустра чувствовал себя одиноким.

– Со мной ему будет вдвойне одиноко, – сказал старик и прищурился, как заправский плут.

– Ты слишком высоко себя ценишь! – рассмеялся я в ответ забияке.

– Не люблю я довольных, – насупился прорицатель.

– Их не можешь ты напугать, кудесник будущего?

– Они тревожат сонм одиноких! – воскликнул старик в приступе благородного гнева.

– Ты же знаешь лучше меня, что нельзя потревожить одинокого – границы одиночества неприступны. Кого же хочешь ты обмануть?

– Да, верно, тебя мне не слопать. Что ж, пойду к твоему Заратустре!

– Не обломай зубы, прорицатель конца, они тебе ещё пригодятся для доброй трапезы! – так ответил я старику и поспешил на зов, к сожалению, прочь от того места, где, чувствовал я, ждёт меня Заратустра.

БЕСЕДА С КОРОЛЯМИ

Я действительно поспешил на зов, но, несмотря на все прилагаемые мною усилия, я практически не двигался с места. Что ж, я подивился и встал. Мгновение спустя земля лениво качнулась, словно ей было нужно поудобней усесться, а потом сама легко и расторопно побежала под моими ногами, которые я только и успевал перебирать.

Фантастические виды открывались по дороге моему взору: лесные чащи, горные реки, диковинные животные, не боящиеся человека... Но странная пара, точнее даже тройка или четвёрка, едва различимая мною сквозь заросли кустов со стороны небольшого оврага, превзошла все мои возможные ожидания. Слишком уж казались они несуразными на фоне представившегося мне великолепия.

Двое мужчин преклонного возраста, одетые в шутовские, но королевские наряды, наверное, шекспировской эпохи, пригодные разве что для сценических постановок, сидели на огромном двухголовом осле. Примечательная особенность этого, с позволения сказать, осла состояла в том, что у несчастного животного совсем не было заднего места, вместо которого красовалась ещё одна ушастая морда. Его головы смотрели в разные стороны, а сам осёл мог передвигаться вперёд только в том случае, если соглашалась пятиться вторая его половина. Однако, в любом случае, какая бы из его голов не победила в этом споре за первенство, на каждый шаг, сделанный животным вперёд, оно делало и шаг назад.

Короли, сидевшие на осле спиной друг к другу, каждый держась за свою ослиную голову, громко спорили, впадая временами в крайнюю ажиотацию:

– Ты выбрал не ту дорогу! – вопил король, сидящий против движения. Он зло ударил свою половину осла пятками, на что удерживаемая им ослиная голова издала пронзительный крик: «И-а!»

– Мы же в любом случае доберёмся, особенно если ты перестанешь мне мешать! Чуть дальше, чуть быстрее – какая разница?! По большому счёту, мы же оба хотим попасть на пир к Заратустре! Доверься мне, я ведь спереди! – сердито отвечал второй король, раздражённо пришпоривая свою половину осла, от чего и вторая ослиная голова издала всё тот же пронзительный крик: «И-а!».

– Довериться?! Тебе?! – вопил первый король. – Ни за что! Кто тебе сказал, что это ты спереди?! Это я спереди!

– Я из благородного рода! – ответил второй венценосец, и ехидно добавил – А твоя бабка...

– Моя бабка была святая женщина! – взвыл король номер «раз» в приступе благородного гнева.

Тем временем встревоженные ослиные головы орали, как на Страшном суде: «И-а! И-а!» и пятились то туда, то сюда.

Я расхохотался, и тут два монарха меня заметили.

– Это ещё кто? – испугался один из королей, одновременно пытаясь придать себе величественную осанку, что в целом выглядело весьма комично.

– Бунтовщик! – ответил ему другой и чуть было не упал при этом с осла, выпустив на миг находящуюся в его распоряжении голову из-за необходимости проделать какое-то дурацкое движение, приличествующее, как, видимо, ему казалось, разгневанному самодержцу.

Я расхохотался ещё сильнее.

– Нет, он хам, хам! Он позволяет себе смеяться над королями! – не унимались царственные особы.

– Появился ещё один повод для обсуждения? – поинтересовался я, превозмогая приступы смеха.

Тем временем осёл посеменил ко мне боком и, призывно тыкаясь в меня обеими мордами, намекал на желанное поглаживание. Я почесал его за длинными ушами.

– Он умеет говорить с ослом? – удивился король справа и ткнул соседа в бок острым локтём, тот взвизгнул от неожиданности.

– Я с ним молчу, – тихо ответил я, прислушиваясь к нежному ослиному пофыркиванию.

– Но это наш осёл! – расвирепел король слева.

– Тихо, тихо! – встревожился король справа, снова толкнул своего соседа локотком и заискивающе обратился ко мне. – А вы, любезнейший, случаем не друг Заратустры?

– Друзьями становятся не по случаю, а по готовности, – ответил я, улыбаясь.

– Обращайся к нам: «Ваше Величество!», – снова всполошился король слева.

– Разве подлинно великому нужны чьи-то уверения в его величии?

– Он ехидничает, ехидничает! – заорал король слева, сбившись на фальцет; его половина осла от неожиданности вздрогнула и даже умудрилась лягнуть своего наездника, от чего тот, в свою очередь, Заорал ещё громче.

– Но разве же мы не выгладим великими? – Пospешил уточнить король справа, явно скрывая свою осведомлённость по данному вопросу.

– А Заратустре вы бы такой вопрос задали?

Мои собеседники смутились и растерялись.

– Отчего отправились вы искать Заратустру, если не для того, чтобы найти себе хозяина? Сами себе перестали вы быть хозяевами, оттого и стали вы теперь бесхозными. Ваш осёл, хоть и несчастен он от рождения, более счастлив, чем вы! Ибо думает он, что есть у него хозяин, а он привык стоять в стойле. Не знает он, что хозяин его сам чувствует себя слугою. И всё бы не так плохо, если бы слуга этот мог быть слугою, но нет. Нет у него привычки в стойле стоять и прислуживать. Сами себя вы загнали в угол!

И теперь ищите вы Заратустру, но не будет он хозяином вашим, ибо знает он, что верх и низ тождественны и едины. Как может он быть хозяином? Хотели вы быть отцами, а стали детьми в отцовской надежде, и теперь ищите вы себе отца. Но разве же Заратустра – отец ваш?

Следует вам разоблачиться и следует видеть в себе ребёнка, тогда только и сможете вы вырасти. Не на стороне следует искать вам отца вашего, блудные сыновья, а в себе Самих, ибо каждому надлежит быть Отцом, а ваш отец своё дело сделал уже, и следует вам признать это, иначе вы даже меньше ребёнка!

Идите же своей дорогой, ибо все дороги ведут к Заратустре, ибо это путь не к хозяину, а к самому Себе. Долог или короток путь этот, но другого нет, а жизнь – одна. Может быть, поймёте вы на пиру Заратустры, что дорого не то, что сверху, и дорого не то, что снизу, а дорого то, что Рядом! И слезайте же с осла вашего, ибо и у него своя дорога, а его ногами свою не пройдёте вы, венценосные!

Помедлив секунду, я обратился к ослу и с удивлением для себя отметил, что умею разговаривать на его языке. Короли же языка этого не знали и не могли понять о чём шла речь, а поэтому сидели, недоумевая и кривляясь, что, впрочем, у них в привычке.

– Ну и уродился же ты, бедолага, с двумя головами! С одной-то головой люди не знают как справиться, а у тебя – две! Счастлив ты, что не ведаешь одиночества, но разве так, двоясь, покидают царствие это? Верно, нравится тебе внутренний диалог этот, верно, думаешь ты, что можно так решить дело. Но надо ли тебе решать его? – вот о чём, двуглавый, хочу я тебя спросить. Многие можешь ты обсудить сам с собою, многие можешь обдумать, говорят даже, что две головы лучше одной. Но сможешь ли ты делать, будучи раздвоенным? – вот что следовало бы

тебе спросить у себя.

– И-а? – растерянно пропели обе ослиные головы.

– Иди к Заратустре, – указал я ослу, – и убери же этих бездарей со своей шеи! Они тебе не хозяева, ибо не умеют они быть слугами!

Сказав это, я повернулся и последовал дальше, ибо всё ещё слышал я звук крика призывного, крика о помощи.

Теперь я уже хорошо знал, как следует двигаться, и земля снова не подвела: качнувшись, она побежала у меня под ногами. Так следовал я какое-то время, пока не упал внезапно, споткнувшись.

– Ааа! – заорал человек, скрытый ворохом опавших листьев, о которого запнулись мои быстрые ноги.

– Кто тут?!

– Тот, кто слит с природой, изучая её, чёрт бы тебя побрал, нарушитель спокойствия! – негодовал потревоженный мною человек.

Через секунду он поднялся с земли, попутно отряхиваясь, и посмотрел на меня ожесточёнными глазами, полными слёз, – так был он взволнован.

Я же увидел, что по рукам его течёт алая кровь.

– Что с тобой?! Ты весь в крови!

– Это вы в крови, вы все! Вы пустили кровь природе, вы изуродовали мир! – возмутился окровавленный, и снова слёзы проступили на его глазах.

– Покорно принимаю твой пафос, но неужели же думаешь ты, что кровью своею сможешь восполнить возникший теперь недостаток?

– Я не восполняю, я соединяюсь с природой! Пиявки пьют мою кровь – так узнаю я пиявок! Я един с этим миром, ибо мне известны законы его, мне ведомы его желания, мне понятны его устремления! Я служу миру, я отдался ему, я сочетаюсь с миром священным браком познания, за это он вознаграждает меня своим величием! – изучающий пиявок исполнился благородства и важно повёл плечами.

– Но отчего ты решил, что твой мир – это мир пиявок? Почему ты не идёшь, например, к людям?

– Ненасытны и злы твои люди!

– Пиявки добрее? – удивился я, глядя, как кровь стекает по дрожащим пальцам моего собеседника.

– Пиявки естественны! – негодовал человек.

– Но разве естествен ты, человек, ушедший от людей?

– Мир, мир!.. – иступлённо повторял человек, изучающий пиявок, и всё его бескрайнее одиночество открылось мне в этом крике.

– На что он тебе, если так ты несчастен? – тихо спросил я своего собеседника, когда сорвался он, наконец, на плач, что может вызвать лишь жалость.

– Я делаю большое дело, это важно, важно! – повторял он сквозь слёзы.

– Важно не то, что ты делаешь, а важно то, что ты есть. В противном случае ничего ты не сделаешь, что бы ни делал и как бы ты ни старался. Мир не знает слёз, лишь на боль свою реагирует он слезами. И вижу я, что слёзы твои не от физической боли, но от внутренней муки – ею приветствуешь ты мир, такова твоя благодарность!

Теперь ты гордишься, что кровью своею накормил ты пиявок? Что ж, ты прав, но смотри – видишь, как они лопаются от переедания? Не жизни ты служишь, а жаждешь уничтожить её в ней же самой, проповедник уничтожения! Да, ты прав, ибо нет лучшего способа развалить нечто, как сделать это изнутри. Поверь, ты добьёшься поставленной цели, но разве есть в этом смысл?

Познать Мир без слёз, познать его радость – вот к чему подлинно стремится твоё нежное

сердце. Я знаю об этом, ибо это и моё устремление. И вот что скажу я тебе: пока не осознаешь ты одиночества своего, будешь топтаться на месте, а мука твоя сменится безысходностью или благородным безумием, так кончает всякий, изучающий пиявок. Осознай же своё одиночество и иди к Заратустре – он не проповедует, но дарит!

Так говорил я с человеком, приумножающим уничтожение собственной кровью. Потом я оправился, преодолевая усталость, и поспешил дальше, ибо не переставал я слышать ещё крик о помощи.

Но не прошло и десяти минут, как я снова повстречал человека, на сей раз беснующегося. Он лежал подле скалы, корчась от судороги, и причитал, словно был в забытьи:

«О, как же я несчастен! Как несчастен! Только я один знаю, как тяжелы муки человеческие, ибо я бросил мирозданию вызов! Восстал я против великого Ничто и понял, сколь бессмысленно жить!

Я одинок! Я совсем одинок! Мир холоден и глух. Всё безысходно, всё пусто. О, как нелепо существование! Кто скажет, что бьётся в сердце моём, если не механизм бездушный?! Всё тлен!

И Бога нет, и Он есть! Он моё горе, моё страдание, моя сокрушающаяся душа! Уж лучше бы Он умер! Распни же меня, распни, но дай знать, что Ты есть! Пусть дурной, пусть ужасный, несправедливый, но есть!

Но Ты молчишь, Ты молчишь, Ты безответен! Я одинок!!!»

Долго слушал я эти причитания, сначала с озабоченностью, затем с вниманием, потом с улыбкой, и, наконец, расхохотался. Теперь и я бился в судорогах, лёжа в пыли, но то были судороги громогласного смеха!

Причитающий человек, расслышав мой смех, встрепенулся, словно разбуженный после долгого сна, сел на земле и удивлённо уставился на меня. Через минуту прозвучал вопрос:

– Ты друг Заратустры? – спросил незнакомец, вскочил и с обличительным видом заткнул кулаки за пояс.

– Я... – я смеялся, не в силах выговорить и пары слов.

– Только друг Заратустры смеет смеяться над несчастнейшим! – завопил он вдруг.

Но всё это выглядело настолько комично, что я стал смеяться ещё сильнее, хотя казалось, что с большей силой смеяться уже невозможно! Я, как маленький игривый змеёныш, крутился в пыли, сотрясаемый всё новыми и новыми приступами смеха. Через секунду сквозь звуки собственного смеха я различил смущённые подхихикивания.

– Ну ладно, я погорячился, – сказал мой новый собеседник после того, как я смог наконец усмирить смех и уселся.

– Да уж, есть малость! – проговорил я и снова расхохотался.

Чародей, а это был не иначе, как чародей, продолжал глупо улыбаться.

– А правда, что Заратустра знает истину? Я хочу, чтобы он поделился ею со мной, попроси его за меня, он тебе не откажет, – заискивающе прошептал чародей.

– И что будешь ты делать с ней! – хохотал я. – Фальшивые монеты штамповать, старый комедиант!

– Я буду каяться духом и искупать свою слабость, – мигом выпалил чародей, словно заправский базарный торговец.

– Тебе же не истина нужна, а её отсутствие! Иначе как ты будешь юродствовать?

– Ты прав, но другому меня не учили, – ответил чародей, явно смущённый своей откровенностью.

– Когда же перестанешь ты быть школяром и взглянешь на жизнь свою непринуждённо? Зачем тебе эта мука?

– Но ведь это... – он помедлил, – это своего рода времяпрепровождение.

– Тебе нравится?

– Я не знаю другой.

– Ты создаёшь препятствия, чтобы преодолевать их. Ты высасываешь из пальца трагедию,

чтобы было над чем плакать. Ты что, разве не видишь, что Мир не знает слёз?

– Может быть, ты и прав, но что тогда знает твой Мир?! – возмутился старик.

– Мой Мир? Мой Мир знает радость! – весело отвечал я.

– Но чем она лучше слёз, горя и мук? Ведь это просто ещё один способ времяпрепровождения!

В этот миг мой смех внезапно улетучился, словно кто-то провёл перед лицом моим широкой ладонью.

– Так говорит лишь подлинно одинокий! Да, следует тебе идти к Заратустре. Но не ищи у него того, что желаешь найти, ибо не может он дать того, что ты ждёшь, будь ты тысячу раз чародеем, но только то, что может! Иди же, ты найдёшь дорогу, комедиант, а я слышу зов. Мне не время ещё возвращаться!

Я вскочил на ноги и побежал дальше.

ВНЕ СЛУЖЕНИЯ

Вот я и снова наедине с самим Собой. Мне радостно и покойно: хоть я и один, но я не ощущаю себя одиноким. Встречи и расставания – эпизоды жизни, и в каждом из них своя радость. Одиночество же – это печаль и скорбящие думы, одиночество – это чувство, где сокрушаются мечты и тлеют обиды.

Отчего же даже среди людей люди чувствуют себя одинокими? Не от того ли, что ищут они себе помощи и поддержки, защищённости и воодушевления? Но кто же будет помогать и поддерживать, защищать и воодушевлять, если всякий думает не о том, как сделать это, но о том, как получить? Как тут не чувствовать себя одиноким? Синоним одиночества – слабость. Но как же слабы те, кто даже слабости своей признать не в силах! А слабый испытывает страх, слабый побиваем. И чем же занят слабый, как не попытками защититься от всего и вся? Носится он со своею болью и ссадинами своими, как сиделка у тяжелобольного, от всего ограждает себя одинокий. Одиночество – неприступные стены слабости.

Синоним одиночества – страх. Переступить границы себя, избавиться себя от границ – вот чего человек боится по-настоящему, вот от чего чувствует себя одиноким. Он подобен мертвецу, он исключён. Чего же бояться ему теперь? Страх ради страха – вот безумие одиночества. И чтобы оправдать бессмысленность своего страха придумывает человек монстров, их он поселяет в себе, сам себя ими пугает, пугается и боится.

Так я думал и тем временем прошёл мимо странного человека, сидящего на обочине дороги. Лишь его чернота, а он был весь в чёрном, зацепила мой глаз. Я остановился.

«Он подобен камню – так он чёрен! Он скрыт в самом себе, он заключён в казематах слабости и страха. Каких-то демонов видит сейчас одинокий человек этот в своём забытьи?» – подумалось мне, когда я смотрел на это странное существо с одним глазом.

– Милейший! – позвал я незнакомца, заглядывая ему в единственный глаз.

Ответа не последовало, глаз недвижимо смотрел внутрь и видел, как мне показалось, что-то ужасное или, может быть, великое, что-то, вводящее в полное оцепенение.

– Привет! А-у, я тут... – протянул я.

В ответ единственный глаз незнакомца медленно пошевелился, но и только.

– Всё хорошо, опасность миновала, можно очнуться, – говорил я, как анестезиолог, приводя и сознание пациента, выходящего из наркоза после тяжёлой операции.

– А? Что? – растерянно, еле слышно прошептал одноглазый.

– Я говорю: привет! Всё хорошо...

– Ааа! – заорал он вдруг, словно бы увидел что-то чудовищное, и отшатнулся, закрываясь от меня трясущимися руками.

– Ну брат, довольно, – с утрированной серьёзностью произнёс я. – Давай, бери себя в руки, и хватит дурака валять. Ты кто?

– Кто ты?! – продолжал вопить незнакомец.

– Да, плохо дело...

– Я – дающий благословение! – взбеленился вдруг мой очумелый собеседник.

– Ничего себе! – я был потрясён, это точно. – Благословишь? – прагматично поинтересовался я.

– Я больше не благословляю! – его голос зазвенел в удивительном раздражении, сбиваясь на высокую ноту.

– Тогда ты уже «не дающий благословения», – спокойно резюмировал я.

– Бог умер, я отпеваю Его.

– Чего ради?

Одноглазый рассерженно передёрнул плечами и, исполненный благородного негодования, сел ко мне боком, демонстративно обхватив руками колени, как трёхлетний ребёнок, которому не дали обещанной конфеты.

– Умер Бог, которого не было, – сказал я, усевшись точно таким же образом. – Ты оплакиваешь себя, благословивший собственное горе.

– Откуда ты знаешь? Ты друг этого безбожника Заратустры?

– Твой взгляд обращён внутрь тебя, но у тебя внутри нет ничего, кроме тебя самого. Что умерло в тебе, что бы мог ты оплакивать?

– Умерла моя жизнь, – прошептал дающий благословение и расплакался.

– Умирает в тебе человеческое, а жизнь твоя пока только поблёскивает. Так не отчаивайся, человек: ты обретёшь самого Себя! Пусть же умрёт твой Бог, имя которому – одиночество.

Одноглазый продолжал плакать, растирая грязь по стареющему лицу.

– Эта дорога ведёт к Заратустре? – спросил он тихо через несколько минут, в течение которых я сидел молча, рассматривая небо.

– Все они... – сказал я в ответ, поднялся и отправился дальше.

САМЫЙ БЕЗОБРАЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Лес постепенно редел, и вот внезапно совсем кончился, словно оборвался. Моему взору открылся другой, ужасающий, ландшафт: пустыня тёмно-красного песка дымилась зловонными испарениями. Множество змей, огромных ящериц и чудовищных насекомых кишело у меня под ногами. Но, как это ни странно, я не был сильно испуган. Каждый занят своим делом, а я не собираюсь никому мешать, так что на сердце у меня было легко и спокойно.

Огромная насыпь одиноко возвышалась над этим морем пресмыкающихся, оттуда слышался мне крик о помощи, туда я и направился.

– Туда ли пришёл ты, куда хотел прийти? – спросил меня чей-то голос с вершины холма.

– Я бы не мог быть там, где не хотел бы я быть, – крикнул я в ответ.

– Смело! – расхохотался обладатель загадочного гортанного голоса. – Ты любишь загадки?

– Нет.

– Но, кажется, ты обладаешь пытливым умом? – удивился незнакомец.

– Любые ответы ложны, а чужая правда – чужая правда. Зачем же хранить никчёмное и покушаться на чужое? Я не вор и не скряга!

– Ты друг Заратустры? – голос незнакомца дрогнул.

– Ты знаешь? Покажись!

– Я отвратителен.

– Что ж поделать? Безобразное лучше несуществующего, а я не люблю лишь несуществующее.

– От чего же? – удивление незнакомца казалось неподдельным.

Я рассмеялся:

– Как же можно любить то, чего нет?

– Я люблю то, чего нет!

– Да? – настал и мой черёд удивляться.

– Я убил Бога, Его больше нет, но теперь я люблю Его больше, чем когда Он был жив. Мне были отвратительны его речи! Мне были не по нраву Его бессмысленные деяния! Он сострадал, не страдая! – за негодованием слов безобразнейшего мне слышались невыплаканные слёзы.

– Так, может быть, Он и не сострадал вовсе?

– Неправда! – его голос дрогнул.

– Ты сам себя водишь за нос! Думаешь ты, что убил Бога, но убил ты лишь то, что было о Нём сказано.

– Откуда тебе знать?! – расвирепел мой собеседник. – Моё страдание неизбежно, так может страдать лишь тот, кто посмел убить Бога!

– Ты разрушил сказанное и оказался теперь в пустоте молчания. Ты чувствуешь себя одиноким, оттого и твоё страдание. Но не потому страдаешь ты, что убил Бога, а просто молчание, обрушившееся на тебя, не по твоим плечам. Но знай, что и твоя пустота, и окружающая тебя пустота столь же иллюзорны, сколь и уничтоженные тобою о Нём песнопения.

– Ты хочешь сказать: Его не было?! Ты думаешь, я его выдумал?! Ты что же, считаешь меня за обманщика и глупца?! – он появился из-за холма, его губы дрожали, он действительно был отвратителен, но не из-за внешности, а скорее, из-за вычурности своего негодования.

– Погубить иллюзию не значит обрести истинное.

– Комедиант! Жалкий комедиант! – он тряс передо мной своими огромными кулаками, от

чего свисающая с них, словно бы лишняя, кожа омерзительно дрожала.

Я поборол неприязнь.

– Перестань! Ты лучше меня знаешь, что никого не убивал!

Безобразный человек разразился чудовищными рыданиями. Сотрясаясь от приступов плача, он схватил меня за полы одежды и, ударясь в мою грудь своей косматой головой, бессмысленно повторял странную фразу:

– Неправда, неправда! Я убил! Убил! – казалось, он оправдывается.

– Зачем тебе подвиг? Нельзя приобрести величие за счёт чего-то, великим можно только быть. Твоё одиночество – склеп, а великий мертвец – жалкое зрелище. Ничтожество останется ничтожеством, несмотря на его достижения. Хочешь быть великим – будь им, величие не придётся доказывать, оно всегда очевидно.

Этот странный, безобразный, по его словам, человек уже перестал плакать. Он лишь напряжённо слушал, а когда я закончил говорить, то спросил:

– Мне нужно искать Заратустру?

– Ты хочешь его убить? – рассмеялся я.

– Я хочу найти выход, ужасно быть в пустыне! Я устал! Неужели же ты не видишь! – он буквально молил меня.

– Перестань искать, и ты найдёшь, – тихо ответил я и добавил: – Иди же, уже этим вечером я встречу тебя в пещере моего друга.

– Аминь! Да будет так! – сказал он.

– Тьфу! – я рассердился. – Ты не в театре! У тебя же одна жизнь, одна! Слышишь?! Если ты будешь играть, как и играл ты прежде, то всё потеряешь, всё! Перестань юродствовать. Разве тебе нужна подать? У тебя же всё есть, но ничего в самом Себе не замечаешь ты, страдательный сладострастник! Слишком ты любишь своё горе, слишком им восторгаешься!

Он расплакался как дитя, закрыв руками лицо. Я погладил его по голове, песок проскользнул у меня под руками.

– Всё. Перестань себя жалеть, это глупо. Было бы что! Да и о чём вообще можно печалиться? Вот что скажу я тебе: если сможешь преодолеть ты своё одиночество – вот будет подвиг, которым ты сможешь гордиться!

Так говорил я с человеком, который называл себя безобразным, но не видел слабости своей, которая делала его некрасивым: он слишком лукавил, когда называл себя отвратительным.

Я последовал дальше.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ НИЩИЙ

Он был одет в старое тряпье, он ходил между жующими коровами и призывно мычал. Коровы, видимо, пугались его крика и, отшатываясь, пыхтели.

Я поздоровался с оборванцем:

– Добрый день!

– Не мешай! Ты что, не видишь: я разговариваю с коровами! – он рассердился моему появлению.

– По-моему, ты их пугаешь.

– Как может пугать их тот, кто не ест их мяса?!

Я усомнился:

– Их вряд ли заботит то, что будет с ними после смерти, но в жизни ты мешаешь их неприятной трапезе. Так что вряд ли они питают к тебе благодарность.

– Что ты понимаешь! Я думаю о их будущем! Я добровольный нищий! Я забочусь о них! – негодование моего нового собеседника достигло предела, он тыкал пальцем в спины беззаботно жующих коров.

– Мне слышится в твоём голосе, что ты заботишься о себе, – честно признался я, хотя и не был уверен, что он меня услышит.

– Ты хочешь меня обидеть?! – в его голосе звучало искреннее возмущение.

– Нет, я лишь хотел с тобой поздороваться. Моё желание исполнено, так что я, пожалуй, пойду.

Сказав это, я повернулся и уже было собирался идти дальше, но этот человек окрикнул меня:

– Пстой!

Я остановился и ждал, ждал долго, поскольку окрикнувший меня погрузился в тягостные раздумья.

– Ты что же, считаешь, что я заблуждаюсь? – сказал он наконец, перебарывая раздражение.

– Я этого не сказал.

– Ну, так подумал ...

– Я думаю, что тебе одиноко. Зачем ты пытаешься это скрыть? Разве в этом только и заключается твоя сила?

Он снова медлил.

– У меня есть выбор? – спросил он с подвохом.

– У тебя нет выбора, – сказал я совершенно серьёзно.

На его глазах появились слёзы. Были ли это слёзы страха, или может быть, слёзы жалости к самому себе? Не знаю.

– Легко так говорить тому, у кого за спиной Заратустра, – сказал он, сдерживая рыдания.

– У меня за спиной только я сам, но ты прав, за это я благодарен ему, Заратустре, – в моём голосе скользнула металлическая нотка, я сам готов был расплакаться. – Теперь я предложил тебе руку, но не для того, чтобы стоять у тебя за спиной, но чтобы идти с Тобой Вместе дорогами Жизни. Я знаю, что ты Другой, и я не хочу тебе ничего навязывать. Вот моя рука, – я протянул ему руку. – И я повторяю: у тебя нет выбора.

Секунду человек, считавший себя добровольным нищим, стоял в сильнейшем напряжении, и я видел, как трудно ему признать эту безальтернативность его выбора. Он отшатнулся, а потом, расталкивая коров, побежал ко мне. Мы обнялись.

Он плакал, плакал как ребёнок, но теперь, кажется, он готов был стать взрослым. Я шепнул ему на ухо:

– Иди к Заратустре, иди. Мы встретимся позже, мне осталось одно испытание. Пожелай мне удачи.

Он отнял руки, посмотрел на меня заплаканными глазами и утвердительно качнул веками. Я улыбнулся в ответ и отправился дальше.

Земля подо мной качнулась, пейзаж переменялся, но я не двигался с места.

– Ты здесь? – тихо спросил я. – Ты здесь, моя тень? Здесь ли ты, отброшенный мною страх?

Моя тень показалась и обошла меня кругом. Я оцепенел.

– Что? Что ещё? – снова спросил я. – Что ты хочешь сказать мне? Ты тоже просишь меня о помощи? Ты хочешь, чтобы я не гнал тебя прочь?

В ответ тень только дрогнула.

– Я не хочу отбрасывать тени.

– Для этого ты должен стать светом, – загадочно пропела моя тень.

– Зачем ты обманываешь меня? Ты не хуже меня знаешь, что светом нельзя *стать*. К чему искушать, к чему эти игры? Я устал от тебя бегать, этого больше не будет! У меня не осталось больше времени. Скоро, очень скоро ты оставишь меня, ибо скоро меня не будет.

– Ты хочешь освободиться от меня раньше времени? – ехидничая, пропела моя тень.

– Ты снова играешь в игры! Время – это только слово, – сурово ответил я своей тени.

– Всё в этом мире – слова. Ибо имя суть кожа.

– Формы переменчивы, это самая большая игра. Я устал играть в игры. Это ни к чему.

– Тогда наступи на меня, наступи! Может быть, можно меня раздавить? – она читала мои мысли, она искушала меня.

– Это снова формы, только формы, – я разгадывал её козни.

– Я твой вечный спутник, – зло прошипела тень. – Я твоё одиночество! Ты можешь оторваться от меня, если попытаешься взлететь, но ты не можешь уничтожить меня, негласно я буду преследовать тебя всюду! Цепи одиночества едины для всех!

– Знаешь, а я ведь не боюсь тебя, – это было странное ощущение. – Нет.

Тень задрожала.

– Ты дрожишь? Тебе холодно? – мне становилось смешно. – А мне тепло, я чувствую тепло!

– Ты не сможешь, не сможешь! – приступы её негодования были вызваны нарастающей с каждой секундой слабостью. – Ты не сможешь преодолеть своё одиночество! Не сможешь!!!

– Это ведь тоже слова, слова! – я начинал смеяться. – Это тоже игра! – я хохотал. – Я больше не играю! Не играю! – смех распирал меня изнутри, мощным потоком света он шёл из меня, вырывался наружу, и сотрясаемый смехом, я становился невесомым. – Танец! – крикнул я наконец, став самым звуком, и сотую долю секунды я наблюдал взрыв, вспышка яркого света раздвинула и мгновенно поглотила пространство.

Распластавшись, я лежал на полу, мышцы вытянули мой позвоночник, словно огромный лук. Спазм, стягивающий каждую частицу моего существа, мгновенно разжался...

Я открыл глаза и увидел над собой Заратустру.

– Плясун стал Танцором? – утвердительно прошептал Заратустра.

– Да, – еле слышно ответил я.

Мои веки отяжелели, я сжал в своей руке его руку, и спокойный сон поглотил меня без остатка.

Операция назначена была на полдень. В одиннадцать мне сделали премедикацию, одели как полагается – во всё чистое. Дурман повязал сознание, происходящее казалось мне рисунками замедленной киноленты.

Действия персонала размеренны, все спокойны и неторопливы – обычное дело. На каталке меня перевезли в операционную. Яркий свет гелиевых ламп нежил глаза. Хотелось спать.

Анестезиологи говорят со мной на плохом английском, который я понимаю ещё хуже. Впрочем, им незачем себя утруждать, я и так помню необходимое из академического курса. Все эти манипуляции, которые кажутся несведущему человеку мистическим действием, мне не в новинку, даже заурядны в каком-то смысле.

Хирургическая бригада моется, на столе поблёскивают инструменты. Всполохи разворачиваемых простыней нежно-голубого цвета подобны ритуальному «танцу с покрывалами». Моей голове предстоит исполнить роль спелого кокоса из рекламного ролика. Мерное жужжание электрического сверла...

Говорят, я пережил клиническую смерть. К смерти, конечно, это не имеет никакого отношения. Просто остановилось сердце – великое дело! Но мозг, мой повреждённый мозг был ещё жив. Больной, изуродованный, он непреклонно и отчаянно цеплялся за жизнь.

Да, вся наша жизнь, вся без остатка сосредоточена в этой странной, по сути, совершенно бездушной машине рефлексов. А ведь любая травинка, любой стебелёк с лёгкостью обходится без этого сложнейшего приспособления, без этого никчёмного посредника. Их жизнь непринуждённа в самом своём основании, она безусловна. Свобода не в выборе, а как раз в этой абсолютной безусловности.

Воля – не есть ли она проявление высшей слабости? Не является ли она тем наростом, той шероховатостью, той опухолью, что препятствует естественному движению, движению шара по приготовленному для него жёлобу? За свои страдания мы виним ухабистую, дурную дорогу, не замечая, что это наши собственные наросты создают возмущающее нас сопротивление.

Пассивность – это отказ, потому воля, как бы ни превозносили её теоретики человеческого, отнюдь не активность, а только ещё одна форма пассивности – агрессивная пассивность.

В нас всё перепуталось: пустое обрело форму и вес, фактическое – потерялось. Мы заложники досадной ошибки, мы заложники своего. У богатого плохой сон, мы сторожим пустоту, мы стражники пустоты.

Мысль – это фетиш, заслоняющий реальное от реального. Мир словно пронизан мыслью, но её нет в Нём, она же упраздняет Его. Посредством мысли воля обретает форму. Мысль отрицает, её созидание – лишь обман восприятия.

Мы сбились с пути, нам кажется, что мы ходим по кругу, но этому не стоит удивляться. Звучная лейбла «вечности» оправдывает нашу ошибку. Непризнание ошибки делает ошибку ошибкой.

На операционном столе я ощущал своё сознание как нечто самостоятельное, отделённое, что-то очень малое, что-то, трепещущее в своей никчёмной замкнутости. Между мной и моим сознанием возникла и чётко определилась некая дистанция, но этот разрыв не был утратой, он стал обретением, обретением утраченного.

Я ощутил себя телом – мясистым, тяжёлым, даже грузным, разваливающимся, как спелая гроздь в руках виноградаря. Мгновение пробуждения было телесным.

Души не существует. Есть лишь тело, одухотворённое жизнью; одухотворённое от слова

«дышать».

Очень хотелось пить, но мне лишь смачивали влажной салфеткой губы. Капля росы, капля-линза, преломляющая свет на качающейся травинке.

Я не стал ощущать себя малым, отнюдь. Напротив, теперь я больше, чем когда бы то ни было, больше, чем я мог бы себе представить.

Граница утрачена с обретением тела, а не благодаря вычурному пафосу души. Всё встало на свои места.

ПРИВЕТСТВИЕ

Я проснулся поздним вечером. В палате совершенно темно. Заратустра стоит у окна, прижавшись лицом к тонкой оконной раме, глядя в ночное небо. Окно огромно, он стоит в окружении звёзд. Тихо.

Млечный Путь виден нам на плоскости и только поэтому кажется нам дорогой. Мы знаем, что это обман, но мы настойчиво повторяем: «Путь. Путь. Путь». Нас, потерявших собственное основание, гонит тревога, а мы ищем пути и дороги, чтобы облагородить и оправдать собственную слепоту.

Звёзды хороши сами по себе. Они тоже движутся, но не спешат. Им тоже отведён свой срок, но они не стонут. Они тоже светят и светятся, но делают это непринуждённо. Их не теснит иллюзия. Как вообще иллюзия может теснить? Спросите у человека... Тихо.

– Зар, – тихо позвал я.

Он встрепенулся, взглянул в мою сторону и через секунду был уже рядом.

– Я здесь, здесь, – в его голосе звучали робкая нежность и обнимающая меня забота.

– Привет! – я улыбнулся губами.

– Тихо, тихо. Ничего не говори. Спи.

Я провалился в сон и снова увидел Заратустру. Он стоял на вершине холма, как всегда величественный и простой, в окружении звёзд, мерцающих короткими вспышками. Он ждал моего возвращения.

– Все собрались, – сказал он.

– И что они?

– Ждут, – печально протянул Заратустра.

– Чего? – спросил я с легкомысленным удивлением.

– Это знают только они, – сказал он устало.

– Ещё я знаю, – провозгласил я с напускной гордостью.

– Чего? – Заратустра удивился по-настоящему.

– Пустоту!

Заратустра весело рассмеялся.

– Всегда можно найти способ посмеяться над жизнью, но нет способа заставить смеяться жизнь, ибо она непринуждаема. Пойдём же! – сказал Заратустра и повёл меня в пещеру, где ждали нас прорицатель, два короля, совестливый духом, чародей, дающий благословение, добровольный нищий, безобразнейший, тень и двуглавый осёл.

В высокой, как готический собор, пещере, освещённой ярким пламенем костра, полукругом сидели собеседники моего забвения. Всю эту братию возглавлял безобразнейший, что мрачно восседал на камне посреди шепчущихся. И только осёл бесцельно блуждал по пещере и забавлялся сам с собою иногда шутливыми, иногда почти серьёзными перебранками, благо его анатомия делала его вполне самостоятельным для подобного рода развлечений.

– Привет! – сказал я собравшимся и осёкся.

Присутствующие, исполненные невыразимого внутреннего благородства, медленно поднялись со своих мест и приветствовали нас стоя.

– Мы ждём от тебя слова, о Заратустра – всеведущий и откровенный! – с внутренним напряжением титана провозгласил безобразнейший.

Я заметил улыбку, скользнувшую по лицу Заратустры, но отвечал он с серьёзностью, на которую был только способен:

– Одиночество!

Возникла глупейшая пауза. Присутствующие выждали какое-то мгновение, полагая, что Заратустра пояснит свою мысль, но Заратустра принял вид человека, которому нечего больше сказать. Они стали перешёптываться, а у безобразнейшего даже отвисла нижняя челюсть, он выглядел обескураженным.

– Ты хочешь унижить нас своим странным ответом? – промолвил он наконец дрожащим голосом.

– Одиночество! – повторил Заратустра.

Присутствующие зашумели:

«Что он себе позволяет?!»

«Он нас унижает!»

«За кого он нас принимает!»

«Что он себе думает?!»

«Это возмутительно!»

– Одиночество! – крикнул Заратустра, и эхо этого слова тысячекратно огласило пещеру.

Все стихли, испуганные.

– Я произнёс вам слово, многое ли вы поняли? – сказал Заратустра серьёзно и, дав мне знак следовать за ним, вышел из пещеры.

Окружённый сиянием звёзд, он обратился ко мне:

– В странную пещеру превратили они мой дом! Одна пещера стала многими, одно эхо стало множественным, – он выглядел бесстрастным.

Сказав это, Заратустра лёг на землю, и взор его утонул в ночном небе. Я поступил также. Земля была тёплой, казалось, она дышала, а купол неба спадал на меня шёлковым покрывалом.

– Унижение и возвышение – вот чем занят человек – игрой глупости и чванства. Самые страдающие собрались в этом кругу и ждут от меня сострадания. Но сострадать можно только страданию, и нельзя сострадать страху, глупости или боли. Но где же вы видели страдание, свободное от страха, глупости или боли?

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

А в это время в пещере спорили собравшиеся:

– Будущее темно, мы должны готовиться к смерти! – говорил прорицатель и нервно стучал сухими пальцами по круглому колену.

– Мир погибает, нам следует погибнуть, чтобы спасти его! – срываясь, кричал совестливый духом.

– Глупости! Мы просто должны научиться его языку, мы должны уметь разговаривать с миром. Мы сможем договориться! – перебивая совестливого духом, раздражённо вопил добровольный нищий.

– Прежде мы должны определиться с тем, кому мы поручим выводить нас из тупика! – настаивал король справа.

– Он должен взять на себя всю полноту ответственности! – визжал король слева. – Нам нужны гарантии!

– Безумцы, куда вы собрались идти?! Прежде нам следует найти основание! Но где же его искать? – сокрушался чародей.

– Покаяние, покаяние! Вот чего недостаёт нам, собратья! Начать нужно с покаяния, нужно признать все наши прегрешения! Искупления, вот чего не достаёт нам – искупления! – вопил, никого не слыша, дающий благословение.

Безликая тень колыхалась по стенам пещеры:

– Всё пусто, всё тлен, всё бессмысленно! – доносилось, словно со дна колодца. – Все ваши усилия тщетны! Вам следует переступить через самих себя, вы должны умереть – вот ваш единственный путь!

– Неправда! – громогласно отвечивал ей безобразнейший. – Ты лжёшь! Мы обмануты, но мы не бессильны! Мы способны на всё! Мы должны только захотеть! Да, человек должен умереть, но для того, чтобы жил сверхчеловек!

Перепуганные ослиные головы наперебой кричали: «И-а!», «И-а!». Постепенно этот отчаянный крик стал напоминать металлический скрежет пилы. Это ужасное, чудовищное лязганье, резкое и однообразное, пронзительно грубое, вырвавшись из пещеры, заставило меня вскочить на ноги. Меня словно обожгло, обдало жаром, я стал задыхаться.

«Чёрт, опять приступ! Опять это удушье!» – всё моё существо, измученное, усталое, застигнутое врасплох, металось, рвалось от отчаяния, от безысходности. Проступили слёзы, тоска накатила, ударила.

Преодолевая эту предательскую тяжесть, что так бессовестно, так гадко, так подло сдавила мне грудь, я зарыдал, зарыдал из последних сил. «Господи, даже на *это* теперь требуются силы!»

Слёзы градом катились по моему лицу, и, наконец, боль, тупая до остроты, пронзила меня, как вертел, как кол в руках заправского палача, пронзила и безжалостно выдавила из меня мучительный стон, крик, шёпот, шипение...

Начиналась судорога – эта отвратительная, ни с чем не сравнимая физическая немота.

Я умирал. Но вдруг, вдруг перед моим искорёженным судорогой лицом, перед моими глазами, что произвольно, как полоумные, как загнанные в клетку хорьки, бились о стенки костных орбит, проскользнула тень, нет, даже не тень, ладонь, да, широкая ладонь, рука Заратустры!

Я закашлялся, словно нечаянно поперхнувшийся, осел на траву и задышал. Приступ

прервался.

– Всё хорошо. Ничего не бойся. Ты же умеешь ничего не бояться, – шепнул мне на ухо Заратустра, подхватил моё непослушное тело на руки, отнёс его в пещеру и положил поближе к огню – мне было холодно.

О ВЫСШЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Спорившие замолчали и с удивлением смотрели на Заратустру, он же выглядел совершенно спокойным и размеренно начал свою речь:

«Вы хотели быть великими людьми, но кто же сумел из вас прежде быть просто человеком? Не перепрыгнули вы через голову, нет, вы сломали себе шею! Опершись на пустоту, упали вы в пропасть».

«Имя одиночеству: жадность!

Худо не то, что вы неравны, высшие люди, худо то, что говорите вы: «Мы равны», – и не верите этому.

У лгущих длинные уши, но одни лгут по природе своей – от незнания, а другие – из страха. Потому осёл милее мне любого мудреца с длинными ушами, ибо не смакует он своё одиночество.

Равенство, высшие люди, нашли вы в одиночестве вашем. То, что полагаете вы залогом избранности вашей, – оплот безликости, а то, к чему стремитесь вы, уже утрачено вами».

«В утверждениях ваших, высшие люди, я слышу лишь отрицание, в стремлениях ваших – бегство, в победах – поражение.

Кто ж лучше из вас: тот, кто хотел быть господином над миром, или тот, кто над собой хотел властвовать? Есть ли разница, на какую сторону надеть протёртое платье?

Это зовёте вы совершенствованием, высшие люди!»

«Данное вам вы решили презреть, высшие люди, ради большего, ради высшего. Но тот, кто был последовательным среди вас, нашёл, наконец, что стремились вы к пустоте.

И теперь заверяете вы, что всё тлен, всё пустое и ничего не нужно. Так вы оправдываете немощь свою, бессильные её хотя бы признать. Так что и теперь вы лжёте, как и тогда лгали! Одиночество – вот единственное убежище ваше, глашатаи пустоты!

Не хотели вы подчиняться, а хотели свободы и великих свершений. Но знаете ли вы, неразумные, что для самого себя сделал Прокруст своё ложе? Так вот вам ваше свершение – пустота, ибо подчинились вы, слабосильные!

Плох путешественник, на ногах стоять не умеющий! И тот, кто не умел обладать дарованным, тот не сможет обладать и искомым.

Не проповедует Заратустра добродетелей малых, а больших он не знает. Ибо я живу, а не пытаюсь жить. И нет в мире пустоты, кроме одиночества вашего. Его и жуйте!»

«Мужество, великие люди, это опыт нероптания. Вы же ищете себе бездну, глядите в неё и приказываете себе заткнуться это вы называете мужеством! Я же зову это позёрством и плутовством».

«Грехом, великие люди, можно назвать лишь нечто свершённое, ибо грех – это оценка. Кто ж из вас знает будущее, чтобы сказать, что будет хорошо, а что – плохо?

О чём же говорите вы, когда предостерегаете от греха или призываете ко греху? Право, вы больше грешите, разглагольствуя!

Уймите же фантазии ваши, великие люди, а то жизнь ваша остынет!»

«Отпустите прошлое своё с Богом. И всё хорошее, и всё дурное уже пройдено вами, а потому кончено! Чем же мучаетесь вы, чем гордитесь?

Грядущее наступает, сонные мухи! Примите его как дорогого гостя, иначе оно вас прихлопнет!

Глядите, великие люди, будущее создается! Как можно не алкать этот Танец?! Как можно

не видеть Его величия?! Всё в вас пусто, даже глаза!

Страдание – преступление перед жизнью, ибо перед будущим закрывает оно дверь вашу. Ну что ж, закрылись вы теперь, так скажите: "Никто не был так одинок, как я!", и не будет Заратустра спорить».

«О, вижу я, великие люди, надвигается на меня вязкая туча мудрости вашей! Сейчас начнёт она отрыгивать молнии! Не иначе, дурным обедом вы не побрезговали!

О чём же, великие, мудрость ваша? О воле, о страдании, о делах и свершениях? Впрочем, нет, не отвечайте, поберегите силы и не расточайте на меня мудрость вашу! Смешон нищий, раздающий подати!

Видно, вы слепы! Но не льстите себе, ибо то не мудрость ваша выжгла глаза вам пламенем откровения, но сами они вытекли слезами страдания вашего!

Даже геенна огненная и та намокла от слёз ваших! Радуйтесь! Радуйтесь хотя бы этому! Радуйтесь, если можете!»

«Ну что же дрожите вы, великие люди? Нельзя вам дрожать, ибо не выдержат того прогнившие стены одиночества вашего, и, разрушившись, погребут они вас под обломками!

Не пугайтесь, великие люди, что лжёт толпа, ибо в этом её правда. Не пугайтесь, великие люди, когда лжёт вам один, ибо в этом его одиночество.

Не бойтесь ничего, даже одиночества своего не бойтесь, ибо только тогда и не будете лгать!»

«О великие люди, не мне говорить вам, что лжёте вы, когда истину проповедуете, ибо вы знаете это лучше меня! Сладко выдавать вам ложь вашу за правду. Сладко, да голодно!

От того и сомнения ваши. Но может ли голод этот стать основанием вашим? А кто похваляется своим сомнением, тот, видно, не только голоден, но и гол ещё!

Когда б сомневались вы в знании вашем, то было бы забавно! Когда же вы сомневаетесь в чужом знании – это глупо. Оставьте кесарю кесарево или же сами им станьте!

Лгущий верит в существование истины, и в этом главная его ложь. Это ложь вечно лгущего одиночества, так говорит Заратустра!»

«Я говорю вам, высшие люди: "У каждого своя дорога, ибо каждый идёт своими ногами!" Но важно не то, куда вы идёте, но важно как!

Думаете вы, что достойно уважения одиночество ваше, ибо оно уникально. Но уникальность его лишь привиделась вам, ибо ничего другого вы и не видели!

Не одиночество, но его отсутствие – вот, что было бы уникальным!»

«Ничего не делаете вы для Других, высшие люди, не обманывайтесь! Хватит себя жалеть, ибо жалость – заунывная песнь одиночества вашего и хочется от неё плакать!

Как страдание да одиночество ваше может для Другого хоть что-нибудь сделать? Сколько же ещё будете общаться вы с зеркалами, безумные!

О, как же скучны вы – творцы, берегущие мёртвый плод! О, как же смешны вы, похваляющиеся ложной беременностью!

Среди вас столько детей, а вы хотите родить ещё одного, причём от самих себя! Так знайте же, что под сердцем своим носите вы плод насилия вашего над самими Собой!»

«О, высшие люди, до какой же поры ожидать вы будете возвращения матери вашей? Даже если придёт она на зов ваш, для вас мало уже её чрево, о великие!

Если же хотите вы сами родить, величайшие, то примите в самих Себя жениха, но не ждите отца вашего!

О, высшие люди, до каких же пор будете вы нуждаться в отце вашем? Он умер, когда сказали вы: "Я!".

Вы же не станете отцом, покуда не ощутите самих Себя, о величайшие!

"Нечистые, нечистые, нечистые!" – что вы повторяете мне?! Кто боится запачкаться, тот не может быть чист!»

«Слышал я, что называли вы одиночество своё благом. О чём же мне говорить с мертвецами? Мёртвым место в могиле, зачем же ходите вы по земле и уродуете её отпечатками страшящихся ваших ног?!

Знаете ли вы, от чего черны монастыри ваши? От свечной копоти! Отпеваете вы себя в одиночестве вашем. Отпевайте, но в силах ли вы отпеть?! Голос одинокого – немой крик!»

«Одиночество ваше, великие люди, заставляет играть и вас, и скулы ваши. Страдайте же, если хотите! Может быть, сгодится бляение это для слезливой книжонки!

Как тяжела пустота! Как тяжела! Не играть, но играть – вот чего не умеете вы, высшие люди. Как же быть вам счастливыми?!

Превратно понимаете вы человека, ибо назвали его вы несчастнейшим. Так знайте же, что не знали вы ещё человека, ибо имя ему – счастливейший!»

«Сколько же добрых слов сказали вы о надежде, сколько! Но на что одиночество может надеяться? Страдания избежать? Но как избежать, по кругу бегая?

Над чем же смеётесь вы, люди великие? Ах, от ужаса вашего вам щекотно! О чём плачете вы? О страхе своём и от глупости! Слёзы свои ставите выше вы смеха вашего, оттого и робеете, оттого и надеетесь!

Где же видели вы, чтобы смех надеялся? Не было такого и быть не могло! Так чего же вы плачете?

Пустота ваша села на хвост себе и теперь твякает жалобно! Так она потешается, не умеющая смеяться!»

«В одиночестве вашем пестуете вы любовь, великие люди, ибо миражам место в пустыне!

Слышится мне смех безумных из пустыни вашей. Я же не знаю смеха иного, кроме радостного!

Вы скажете: «Он смело танцует!». Боже, как мне смешно! Я не знаю смелости, ибо не ведаю я страха!»

«Безгранична пустыня одиночества вашего, великие люди, так выполнили вы завет моей радости! Что ж, теперь ставьте пред собой новые цели! Я хочу посмотреть, как перешагнёте вы линию горизонта!

Когда ж будете вы Танцевать, великие? Ноги ваши сковал песок страха вашего, руки ваши обвисли под грузом страданий ваших! Тина печали вашей – вот влага пустыни одиночества вашего!

Я Сам Танцую, Сам! А ноги и руки мои – разве же это не я Сам? Улыбка Танцует на моих устах, ибо бабочка она, но не Цербер!

И лёгок мой Танец, как мотылёк с прозрачными крыльями, ибо нет у Него цели!»

«Кто ж видел из вас, люди великие, как танцуют лепестки шёлковые роз, распускающихся в сиянии сфер росы утренней?

Кто ж видел из вас лепестки, что танцуют под лучами восходящего солнца? Кто ж видел из вас лепестки, колеблемые ветром весенним?

Кто из вас видел?!

Одиночество слепо! Что знаете о Танце вы, одинокие?! Даже дыхание ваше зловонно! Так ли пахнут розы танцующие? О, как свежо пахнут сердца роз распускающихся!

Вы для меня – бутоны цветов прекрасных, великие люди. И не спешу я сорвать вас со стеблей изумрудных, ибо хочу я видеть ваш Танец!

Но прежде должны вы прозреть! Так освободитесь же от тлетворных иллюзий страданий ваших!»

«Берегите, великие люди, самих Себя! Не расточайте самих Себя понапрасну! Сколько пены и тины в жизни вашей, и как мало Жизни! Оглянитесь же: кругом вас Другие, и Они Танцуют!

Прислушайтесь же к своему сердцу, неужели не слышите вы нежной его мелодии? Доколь ещё будете вкушать вы лязганье страха вашего, брюзжанье страдания и грохот одинокой воли? А скорбь – глупость, неужели же вы не знаете этого? Неужели же одиночество ваше дороже Другого вам? Так что ж не Танцуете вы, растерявшиеся?

Нечего вам бояться!»

«Жизнь Танцует своими ветрами, Жизнь Танцует горными вершинами, Жизнь Танцует величием облаков пурпурных и финифтовой глубиной морей!

Что ж медлите вы, чего ждёте? Танцевать можно только *сейчас*!

Видели ли вы толпу чёрную, покрытую язвами, великие люди? То было видение одиночества вашего! То было страдание ваше – лицом к лицу!

А Заратустра смеётся, смеётся и Танцует, ибо не толпу видит он, незнающий одиночества, а Других!

Раз, раз, раз! Слышите вы меня?! Я Танцую!

Это Танцует Смех Заратустры! Раз, раз, раз!»

ПЕСНЬ ТОСКИ

И все танцевали в пещере Заратустры под звуки бархатного его голоса. Все кружились, воздушные, и пели звонкими голосами своего смеха. То были великие люди!

Я же сидел тихо, прижавшись к стене, и смотрел на огонь, что так весело играл языками по мрачным сводам, превратив их в дивные ажурные вирши. Мне было легко и радостно.

Как же хорош был Заратустра в Танце своём! Как сгибались его крепкие руки открытые, словно ветви цветущих каштанов! Как двигались его стопы, подобные волнам на горной реке! Как ровен был его стан, натянутый звучной струной трепещущей арфы!

Томное расслабление прокатилось по всему моему телу потоком свежего воздуха, веки отяжелели и покрыли мои глаза, как индийские опахала. Наверное, я задремал. Не знаю, сколько длилось моё забытьё, но когда я проснулся, то охватило меня странное чувство. Что-то изменилось в стане танцующих...

Танец их стал бесноватым, судорога пляски сотрясала этих паяцев, огонь злобно мерцал, стены пещеры сгрудились, словно налитые свинцом, а резкие тени мрачно гарцевали по трещинам сводов.

«Великие люди! Великие люди! – пел лукавый Чародей, отплясывая на углях. – Открыл Заратустра нам тайну! Тайное стало явным, явное манит нас обманом правды своей! Скорее!»

Своды сотрясались чудовищным хохотом, лица паяцев каменели, движения разрезали тени, тени покрывали собой судорожные жесты.

«Великие люди, знаете вы, знаете вы теперь, что есть человек! Думали вы, он избыточен, он же – огромен! Думали вы, он граница, а он – бездна!

Слышали вы Заратустру?!

Скрытое должно пробудиться! Просыпайтесь, духи ночи! Демоны жажды, внимлите голосам! Мы идём!

Сердца полны страсти! Сознание – пусто, воля – свободна! Мир создается разрушением! Мы разрушаем!

Долог век заключения нашего! Тягостно заключение! Но мы раскусим оковы его зубами своими! Плоть безумствует, Великая – жаждет!

Что человек, если не тело?!»

Тела беснующихся слились в единую массу, колеблемую металлическим ритмом. Сиплый голос Чародея, осыпавшего мрак пещеры огненными углями, вызвал во мне животный ужас:

«Великие люди, к вам обращается моя холодная жажда! Ваши тела она жаждет, ибо жаждет она человека!

Плоть от плоти, кровь от крови, страсть от страсти – такова Жизнь! Отдайтесь, отдайтесь, желающие быть желанными! Я желаю! Отдайтесь!

Слабые и бессильные, ваша обитель в страсти, ваша жизнь в жажде! Её я хочу поглотить, ею хочу напиться! Трепещите!

Агнцы, вы станете мясом! Агнцы, вы станете кровью! Стенающие, на себя я возьму грехи ваши! За вас умру! Но прежде отдайтесь!

Ничто повелевает, великое Ничто! Всё обращается в тлен, и хватит ждать, пора действовать! Слышали вы Заратустру?!»

Толпа неистовствовала, толпа трепетала. Крики обратились в неистовый стон:

«Страх отступает перед величием жажды! Блаженство грядёт, страсть поглотит страсть! Не бойтесь! Отдайтесь!

Воля ваша ничтожна, воля ваша бессильна! Вы же не способны грешить, страждущие, чего вы боитесь?!

Грех! Грех! Грех! Что есть грех, если не слёзы страдания?! Не блаженствовать – вот высший из грехов наших, собратья!

Наслаждение! О наслаждении просит нас жизнь, ибо она одна! Так говорил Заратустра!

Слышали вы слово его, друзья?! Зло – призрачно, зло – иллюзорно! Нет иллюзии большей, чем зло!

Довольно, довольно! Не к чему больше стремиться, всё уже есть, всё уже есть! Пользуйтесь, великие люди, ибо знаете вы слово: "Довольно!"

Слышали вы слова Заратустры?!»

Грохот скандирующего эха, топот и хохот, стоны и вскрики – вот что заставляло дрожать стены этой мрачной пещеры. Лишь только тени людей не дрожали, они пульсировали, подобно набату.

«Великие люди! Только поэты и скоморохи плодят одиночество! Мы же не будем более потакать слабости! Мы свершаем!

Слышали вы Заратустру, друзья?!

Он открыл мне глаза: вы Другие! И я Другой! Что ж мешает нам соединиться? Мы отдадимся друг другу, ибо мы – страсть, мы – жажда! Будем Едины!

Сольёмся, упав с высоты, мои водопады! Униженные, мы будем возвышены! Нас не обманет стыдливая совесть! Чего нам бояться, вершители?!

Прочь, одиночество, прочь из нашей пещеры! Здесь – в доме нашем – царствует свою силу Единство! Тьма также едина, как Свет! Пусть же Тьма будет Светом!

Так завещал Заратустра!!!»

«Так завещал Заратустра!» – кричали безумные паяцы с мёртвыми лицами, раскрашенные языками красного пламени.

В этот миг я ощутил себя живым участником страшного сна, я вжался в стену, скукожился и задрожал.

«О НЕТ!!! – чей-то голос, сдавленный, но пронзительный, словно птица, вырвавшаяся из сетей, разрезал дурман сладострастия. – Стойте!»

Все замерли, замерли в уродливых позах, и только тени всё ещё бесцельно гуляли по ядовито-красным стенам пещеры. Внезапно как гром грянула тишина, и только случайный треск пылающих головёшек в мерцающем костре нарушал немой звук тишины.

То кричал совестливый духом. Глаза его обезумели, губы дрожали, весь он выгнулся, как вздёрнутый на дыбу.

«Что случилось с вами, мудрейшие?! – воскликнул совестливый духом. – Что сделало вас безумными?! Что помрачило ваше сознание?! Нет, то не лживые речи Чародея, то желания ваши! Не об этом ли предостерегал Заратустра?!»

Словно побитые псы, оцепеневшие в одно мгновение люди разошлись по своим местам, расселись и испуганно смотрели друг на друга воровскими взглядами, не в силах поднять глаза на совестливого духом. Он же, сгорбившись, ходил среди них, вытянув руки и говоря пронзительно:

«Что ж столько слушали вы Заратустру, но ничего не услышали! О жизни говорил он вам, вы же слышали то лишь, что хотели вы слышать, – о желании!»

Неужели же так и не поняли вы, что именно желание ваше и уничтожает жизнь?! Именно оно, злое, мучит и терзает, именно оно, лживое, искажает жизнь вашу, великие! Наступите же на змей и скорпионов страстей ваших!

Откажитесь от желаний, откажитесь! Откажитесь, и будете вы свободными! Живите для других, жертвуйте себя, и воздастся вам! Делайте, будьте старателями! Так преодолете вы одиночество!

Любите врагов ваших! Пусть будете вы побиты камнями, но вы знаете, для чего и зачем! Во всём есть высший смысл, во всём есть промысел высший! Так не будьте же мелочны, а будьте вы благородны!

Благородство – вот средство от страха! Все беды ваши от страха, ищите же спасение своё в благородстве! Не для себя, но для других должны вы жить, великие люди! Стыдитесь поступать не по совести!

Совесь – вот цензор ваш, вот ваша правда! Всё должно делать по совести, по внутреннему чутью! Слушайте сердце, чуткими будьте! Не требуйте ничего, но давайте! Не ждите, но верьте!

Будьте вершителями добра и великих дел! Помогайте, участвуйте, способствуйте и не ждите себе вознаграждения! Чувство долга – вот ваш барометр, стыд – вот путеводная звезда ваша, само деяние – вот ваша награда!

Берегите честь свою смолоду и никогда не лгите! На смертном одре не должно испытывать стыда, так не поддавайтесь же на искушения, не совершайте ошибок, не переступайте черту!

У вас одна жизнь, так проживите её с честью! Не смотрите по сторонам, но смотрите прямо! Великие цели скрыты в дымке нового утра, великий полдень ждёт вас – то будет время великих свершений! Готовьтесь!

Ищите же знание истинное, обратитесь к жизни, питайтесь ею! Только в знании Свет, остальное же Тьма и заблуждение! Сквозь слёзы и боль, через тернии к звёздам!

Так заповедовал вам Заратустра, он – Альфа и Омега, он – надежда наша и наше спасение!»

Так говорил совестливый духом и весь дрожал: дрожали губы его, дрожали веки, дрожал голос и отверстый палец, что указывал вверх.

Все слушали его, потрясённые и заворожённые, некоторые плакали, глаза других светились болезненным блеском безумного почти восторга.

Мне стало ещё больше не по себе. Очень хотелось верить этому странному человеку, что так совестлив духом. Казалось, высшая правда говорила в нём!

Но сопротивление во мне с каждым словом его, с каждым его жестом лишь возрастало, и было оно даже больше, чем когда юродствовал Чародей, ибо он говорил о жизни, пусть изуродованной, пусть больной до мозга костей, но о жизни! Тогда как каждое слово, каждый жест, каждое подёргивание скулы совестливого духом был лишь очередной, лишь новой имманацией пустоты, одной пустоты!

Этот совестливый духом не верит ни себе, ни другим, хочет, но не верит. Он сам заставляет себя верить в то, что говорит, заставляет и не верит. Жизнь иная! Не похожа она на ту покатистую дорогу, за которую он её выдаёт! Она вообще не дорога!

Заговорить, заболтать, одеть пустоту в яркие, роскошные наряды слов, похожих ни то на фанфары, ни то на погребальную песнь – вот, что пытается сделать этот совестливый духом!

О каких высших смыслах ведёт он речь? От каких желаний он отговаривает, будучи одним лишь желанием? Своё отчаяние выдаёт он за волю бог знает к чему. Своё одиночество пытается скрасить он иллюзией самопожертвования, о котором никто не просит его!

И почему столько боли, откуда столько бессмысленной страсти? Какое-то пугливое бегство, представленное победным маршем! Он словно пытается застраховаться перед Страшным судом, и страх в нём зияет, как пропасть, как вой хладнокровных эриний и стон бездушных сирен!

Цели его выдуманы лишь для оправдания ощущения бессмысленности, что так сковало и сгорбило тело его. Слова его – свидетельство высшего страха перед пустотой. Он – сама пустота!

Где же Заратустра?!

СРЕДИ ДОЧЕРЕЙ ПУСТЫНИ

– Замолчи, исчадие лжи! Умолкни! – послышалось вдруг. – К чему ты зовёшь нас, бессовестный совестливый лжец? Что там, наверху, куда тычешь ты пальцем?!» – раздражённо шептал едва узнаваемый голос то была Тень.

Все присутствующие испуганно оглядывались по сторонам: «Кто это говорит?», «Кого это мы слышим?»

Возвышенный флёр, опустившийся было на головы слушающих, пропал столь же внезапно, как и возник.

«Тень!» – холодным как смерть эхом раздалось из каждого уголка пещеры.

«Я видела весь мир, я обошла его от края до края, я лизала стопы бродягам и венцы властителей мира! Я видела всё, и всё было мной – тенью!

И в одном лишь месте, в жаркой пустыне, где небо ложится на жёлтые барханы, нашла я правду этого мира, о ней и говорит Заратустра, о ней пели мне дочери пустыни – восточные девушки с янтарными глазами!

"Законы мира непознаваемы, – так пели они, солнцеликие, – они неясны и скрыты навечно от пытливых умов!"

Признайте же, величайшие, свою ничтожность, ощутите немощь свою и отдайтесь жизни! Пусть она решает сама, как быть ей с вами!

Ничто не измените вы, великие люди, как ни пытайтесь! Сколько бы не пытались вы переменить судьбу вашу к лучшему – только глубже выроете вы себе могилу!

Как жалок вызов ваш, как тщедушны попытки ваши прорваться сквозь пелену смерти!

Отдаться следует вам, отдаться всецело и подчиниться безропотно! Так завещают великие дочери пустыни, об этом говорил вам Заратустра, великий отшельник!

Ни грамма сопротивления, ни йоты сомнения, ни толики воли – вот о чём учили вас, вот чего не слышали вы!

«Довольно!» – вот великое слово. Его единственное следует вам повторять, им одним только и следует вам грезить!

Всё вы требуете от жизни, свободы хотите! Но сказал же вам Заратустра, что нет свободы, и был он прав!

Не требовать должны вы, великие, а подчиняться! В этом величие ваше!

Бессильны вы остановить время, бессильны! Ночь сменит день, день сменится ночью – ничего не можете вы поделать!

Все идёт своим чередом, а вы, великие, лишь свидетели, и даже меньше того! Кто ж противится Великой Реке?! Рок – вот божество, которому следует вам молиться!

Вселенная бесконечна, величественна она и недвижима. Что вы в сравнении с нею, букашки, возомнившие себя божествами?!

Всё погибнет, ибо смерть царствует властно над жизнью, ибо создана была жизнь смертью для самой себя! Смерть – вот единственный закон жизни! Так умрите!

Всё иллюзорно, всё призрачно, вы малые, слабосильные дети, играющиеся морской галькой! Вас смоем волной, смоем!

Так не противьтесь же и смиритесь, уймите свой чахоточный пафос! Дурно пахнет от вашей воли! Потом разит от ваших желаний! От вашей страсти несёт духом гниения!

В смирении – единственное величие ваше, люди великие! Так склоните же головы, поклонитесь, падите на колени, и лишь тогда узнаете вы жизни вашей подлинную сладость!

Лишь тогда откроются вам скрижали заветные! И будет на них начертано кровью вашей: "Отдавшемуся даровано наслаждение!"

И узнаете вы тогда свободу высшую, и высшую благодать свою узнаете вы тогда, ибо ничего не потребует от вас мир, не будет он призывать вас к свершениям.

Мир величественный возьмёт вас в сильные свои руки и будет решать он за вас, и будет делать за вас всё, и будет делать он вами! Вот тогда вы и узнаете, что есть жизнь!

О великом удовольствии учил Заратустра – об удовольствии покоя. Души ваши перестанут метаться и мучиться, ибо умрут. И заботы ваши канут в широкую бездну, и канут они безвозвратно! И тогда испытаете вы великий восторг, ибо ничего не нужно будет вам делать, ибо всё за вас сделано будет!

К чему же стремиться вам, если ничего не сможете вы достичь? Что хотите вы сделать, если всё за вас уже сделано? Как можете перехитрить вы то, что вас и породило? Как выйти вам за пределы того, что не имеет предела? Перестаньте же мучить себя и других! Пусть всё идёт своим чередом!

Вот о чём говорил Заратустра – из ничтожнейших величайший!»

Грохотание Тени произвело на присутствующих почти гипнотическое воздействие. Они пали ниц и плакали, они катались по тёмно-коричневому полу пещеры, скулили, как побитые псы, и выгибались, словно ужаленные гремучими змеями. Они стонали и выли, они простирали вверх искорёженные судорогами руки и жаждали соития, в котором хотели погибнуть. О забытьи, лишь об одном забытьи только и грезили эти безумцы!

Мне стало дурно. Мне самому хотелось теперь валяться так на полу и навсегда забыться! Жизнь в этот миг казалась мне невыносимой, смерть казалась мне избавлением.

«Довольно!» Довольно страданий, довольно мук, довольно суеты и свершений! Хотелось покоя. И вот уже тень опустилась на меня, обняла, потянуло холодом...

Но вдруг на своём плече я почувствовал руку, кто-то теребил меня с нежностью и заботой.

«Тихо, тихо», – услышал я родной голос и открыл глаза.

Заратустра стоял надо мной и шептал, глядя прямо в глаза:

«Тебе приснился дурной сон. Это только сон. Просыпайся! Просыпайся, утро зовёт!».

ПРОБУЖДЕНИЕ

Человечество всегда искало себе путь, – рассказывал мне Заратустра. – Желание найти верную дорогу заманчиво, но нелепо, ибо критериев нет. Впрочем, я знаю один – радость, а всё остальное ничего не стоит!

О многих путях можно было бы рассказать. Многие дороги были опробованы человечеством, но всё пустое!

Все пути эти сводимы к трём: можно овладеть, уподобив себя чародею, можно отдаться, слившись с жёлтой пустыней, или стыдливо задавить в зародыше всё – и мужское, и женское, и бесполое.

Впрочем, все эти дороги называли вы мужеством, ибо нет для трусливого способа лучшего, чем оправдать себя благородством!

Не зная себя, не видит человек и своего места, а место его особо. Велик человек, нет нужды ему ни овладевать, ни отдаваться, и уничтожить ему нет нужды, может он без насилия над самим Собой и без суеты трусливой иметь, быть и использовать, ибо он имеет, является и всё дано ему!

Зачем же путь ему, зачем искать несуществующую дорогу? Разве сам он, человек, не есть созидающееся, ибо он – сама Жизнь!

Печальны бесконечные поиски человеческие. Разве же человек потерял что-то, чтобы искать? Напротив, теперь переполнен он и погребён под ворохом человеческого.

Не потерял он и самого Себя, да вот только не видит за пустотой собственных дел. Разглядеть самого Себя – вот о чём говорит Заратустра!

Хватит искусственного, хватит привнесённого, ведь беда подлинная не в недостатке форм, беда в не использовании дарованного!

Идеи отвлекли человека от жизни, пустота нарождается, а существующее не создается, но прозябает и чахнет.

Хозяйству нужен хозяин рачительный, а не хранитель. И хозяин подлинный – не паразит, аскариде подобный, но пекущийся о хозяйстве своём.

Идеи отвлекают человека от жизни, ибо они выбрасывают его из самого Себя, словно дурного пьяницу из грязного кабака, и так теряет он не только опору, но и саму Жизнь, окутанный царством иллюзии!

Гордится человек несовпадением своим с самим же Собой, в этом видится ему его подвиг, ибо так находит он себе предмет для дел и дорогу, по которой идти можно вечно!

Но вынесите центр тяжести за пределы предмета любого, и он упадёт! Куда же идти лежащему? Великое дело – создавать проблемы себе, чтобы решать их: переливать из пустого в порожнее! Отчего так никчёмно проводит человек свою жизнь? Оттого, что он одинок!

От одиночества своего подменяет человек иллюзией жизнь реальную, от одиночества! И оттого становится безвозвратно он одиноким!

Не самого Себя следует искать человеку, но Другого, ибо лишь через него и обретёт он себя Самого!

Почему же Другой страшит человека? Лишь оттого, что сам Себя он боится!

Принимая самого Себя, следует идти человеку к Другому, а не через тернии иллюзий своих – вот единственный путь, что не в движении он, а в остановке!

Одиночество – вот апокалипсис мира этого, таким видит его Заратустра глазами, полными слёз!

Нет, не исходит из уст моих меч, острый с обеих сторон, но шёпот дыхания моего, что разделить хочу я с Другим, ибо Мир создан для Двух!

Зачем же мне драгоценные звёзды и небеса беспредельные, зачем мне богатства несметные, знания власть и бессмертие истины, зачем мне наслажденья телесные и благость вселенной, зачем мне всё это, если нету со мною Тебя?

Просыпайся!

ПРАЗДНИК ОСЛА

Странное существо этот двуглавый осёл, странное. С самим собой вечно ведёт он речь, с сам собой разговаривает. Так множит он своё одиночество, ибо даже в одиночестве своём не может он быть одним – самим Собою.

Сколько жарких баталий разгорается в этом странном существе! Сколько щекочущих душу побед, неожиданных поражений и восторженных до жгучих слёз примирений знает его ослиная жизнь! Упрямый, что бы не происходило, он всё продолжает и продолжает это внутреннее говорение, перемалывая в пустоте кости.

Должен он чувствовать себя при деле, а иначе – с чем он останется? Что делать ему, замкнутому в самом себе, если не слышит он Других, а потому и не знает, что Они – эти *Другие* – есть? Вот и найден смысл бессмысленности: да, он будет говорить сам с собою!

Есть дело, если есть занятие. Дело ради дела, руки должны быть заняты! Не скуки боится двуглавый осёл в глубине существа своего, но узнать, что дела его пусты и бессмысленны. Не страшно голому королю замёрзнуть, страшно признаться!

Страшные истории может рассказать себе этот осёл, и сам испугается, причём по-настоящему! О великих свершениях может он поведать себе и тогда исполнится благородным духом! О блаженных островах он придумает себе дивные истории, чтобы не было ему страшно, чтобы было ему, во что верить и к чему стремиться!

Но не знает этот осёл ощущений, не проживает он своей жизни, ибо слова мертвы! Не проживает он, но пережёвывает: говорит он и боится молчания! Чувства – вот что заменило ослу ощущения, ибо чувства его говорят! Капустные поля чувств наполняют жизнь его смыслом, однако листья на кочанах пожухнут, а кочерыжка слишком груба и для его желудка.

И даже зная, что следует ему молчать о том, о чём не может быть сказано, будет он говорить всё равно, не прерываясь ни на секунду, ибо в говорении своём ищет он защиты от самого Себя! Чего же стоит вся эта жизнь, жизнь того, кто не живёт вовсе?

Страх осла неоправдан, но и неиллюзорен, ибо в пространстве страха чувство и слово становятся ощущением. Потому страх свой должен лишить он слов, пережить до конца и узнать, наконец, что нет у страха этого основания. Но не может осёл, ибо он говорит!

Осёл говорит, но Другой не может сказать ослу двуглавному ничего, ибо третий – лишний, и всякий разговор идёт с глазу на глаз! А потому, пока сам он не замолчит, будет осёл этот – невменяем и глух, как токующий тетерев. Но не на свадьбе токует эта странная птица с длинными глухими ушами, а на панихиде, ибо вокруг него покойники да души их спиритические!

Таково безумие осла двуглавого, такова природа бреда его, называемого «внутренней жизнью»! Но Жизнь не бывает внутри, а потому следует ему знать, что заложник он внутренней смерти, и разговаривает он с мёртвым!

Празднует осёл двуглавый праздник свой вечного одиночества! Заратустра зовёт праздник этот поминками, но большего не может сказать он ослу, ибо осёл этот, говорящий внутри себя самого сам с собою, его не услышит!

Я завяжу уши свои узлом, крест-накрест!

ПЕСНЬ ОПЬЯНЕНИЯ

Мы возвращаемся. Под нами акварельные облака, а наверху, наверху только небо – спокойное, покатоое, сюрреалистическая голограмма света...

Божественный, нежный и пряный мир люди зовут иллюзорным, ибо не таков он, каким кажется им. Но разве иллюзорны ощущение контакта, ощущение близости и нежность тепла?

Контакт – отнюдь не то, ради чего нужно жить, иначе просто нельзя, это ведь сама Жизнь!

Иллюзии царствуют в бескрайнем пространстве одиночества, пространстве фиктивного контакта, и нет в Жизни им места!

Нам же не к чему стремиться, довольно! Контакт сам определяет всё, а другого нет. Он даёт ровно столько, сколько можем мы взять. Мы отдаём ровно столько, сколько можем отдать.

Странное дело: я перестал ощущать Заратустру как Другого. Его движение – это моё движение, его радость – это моя радость, его слово – это моё слово, его сила – это моя сила, а слабость... слабости нет.

Слабость – это настойчивость в невозможном, контакт же – избыточность возможного. Ощущающий контакт не знает слабости, он создается.

– Зар, хорошо жить!

Он улыбнулся мне, довольный. Морщинки побежали по его лицу, словно весенние ручейки:

– Хорошо!

В аэропорту нас встречали шумной компанией.

– Всё хорошо! Без комментариев, – отшутился Зар, предупреждая дальнейшие расспросы.

Озабоченность, сковавшая было лица встречающих, сменилась радостью и улыбками. Мы обнимались, смеялись и говорили глупости.

Опьянённые встречей, мы отправились праздновать.

Как хороши танцующие! В самозабвенности Танца становятся они сами С собой, весёлые, улыбчивые, смеющиеся!

И полночь танцует над нами мириадами звёзд, и даже высокомерная луна, подглядывая за танцующими украдкой, медленно раскачивается в мантии белёсых облаков, бессильная удержаться от танца!

«Не проспите жизни!» – так говорит глубокая полночь.

«Связаны вы нитями моими невидимыми!» – так говорит огромный паук, думая, что пугает.

Кто ж испугается слов его? Спасибо! – и только.

Страх ведом лишь отступающему, так трепещи же, паук, мы идём! Босыми ногами Танцуем мы по нитям, что связывают нас воедино!

Не тяните, друзья, но Танцуйте легко, ступая, как утренний снег! Будем же нежны, будем нежны! Слушайте нежность!

Что пьянит нас, если не радость? Что жизнь, если не пьянящая близость? Что нужно ещё счастливым?

Зачем вам крылья, друзья, когда Танцуете вы ногами босыми? Здесь ваше царство! Ступайте же смело по могилам своим, не воскрешайте разбитых скрижалей!

Колокола счастливых сердец бьют в унисон, и трупный червь не гложет живущих. Но одинокий – мёртв, зачем спрашивает он меня, что ему делать?

Близкие, уста ваши – сладкозвучная лира. Я хочу слушать вас, поющие! Не знаю я слов ваших, но голос музыки вашей скажет мне больше любых слов! Не будем же мертвить живое, друзья мои!

Вам даровано знать, *что* конечно и что *конечно* оно. Одинокие печалются этим, радостные так боготворят жизнь, ибо всегда смотрят они дальше, будучи сами Собой, а потому видят они большее!

Пьян я вами, друзья мои, будьте же сами Собой, не пугайте меня похмельем! Смерть рядом, смешливая, и хочу я смеяться, Танцуй! Довольно боли и слёз!

В вас, друзья, нашёл я источник золотой своей радости, будьте же господами земли! Объятия её распростёрты, кто ж противится нежности, златоглавые!

Не счастье следует ловить вам ловкими руками, но смех друзей ваших, ибо он лёгок! Лёгкое не знает тяжести! Божественность – невесома, ибо она Танцует!

Танцуйте же и вы, мои божества, сердечный смех манит сердечных! Так побеждаем мы одиночество – Танцем!

Нет глухих к бою сердечного колокола, так не бойтесь же, друзья мои, быть одинокими, ибо страх сделает вас таковыми!

Ходите прямо, прямоходящие, ибо не знает одиночество прямых дорог! Оно играет, вы же играйтесь – таков завет вечной юности поющих сердец!

То не ветер обдувает вас, но дыхание! Так не бойтесь замёрзнуть! Лишь одиночество холодно, ибо оно – обитель подлинной смерти! Бойтесь бояться, будьте ветрены на дорогах прямых!

Слышали вы о виноградных лозах, друзья мои? Не алмазного ножа жаждут они, но хотят, чтобы их опыляли, нежьте же их своим Танцем!

Богатый урожай зреет, вам завещали лозы кормить друг друга! Свой урожай готовите вы для Других, ибо знаете вы, что Жизнь больше, чем жизнь!

Радость не хочет детей, ибо она сама – ребёнок с золотыми кудрями. Будьте же взрослыми, чтобы беречь свою радость! И дети ваши не будут сиротами!

Жизнь ваша хочет, что б вы любили её, ибо она одна. «Так не будет же она одинока!» – говорит ощущение и раздаёт жизнь вашу щедрой рукою. Нет скорби, кроме глупости, друзья! Нет! Не клеветайте на Жизнь, не примеряйте к ней чужие одежды, не слагайте несовместимое! Противоположности иллюзорны, будьте же сами Собой, и вы узнаете это! Скорбит по своему утверждающий, радуется утверждающий самого Себя! Так утверждайте же сами Себя – это ваш Танец!

Золотистый мёд радости вашей, нежный нектар сердец ваших, цветочная пыльца смеха вашего – вот моё счастье, вот моя Жизнь! Знаете ли вы теперь, как оставить одиночество своё позади?

Падёт царство тьмы, когда оставите вы одиночество ваше, презрев страх тщедушный! И узнаете вы, что не бояться, а желать Другого заповедует Жизнь!

В Другом увидите вы благодать, которой столько боялись! Ибо Он искал вас, чтобы Мир, созданный для Двоих, Жил, созидаясь!

Лучшую свою песнь пою я для вас, Другие, ибо вы дороги мне!

То песнь Жизни!

Слышите, Танцующие? – Вы уже поёте со мной...

Блаженный день зимнего солнцестояния: день начинает прибывать! Клиника уже преобразилась в преддверии праздника. Снежинки, хранящие тепло человеческих рук, покрыли высокие окна. Весёлые гирлянды флажков расцветивают коридоры сочной гуашью. Праздничные, покрытые серебряным дождём ёлки заботливо посажены в кадки и расставлены по углам. Разноцветные шары украшают двери палат.

Когда ещё клиника неврозом слышала столько смеха, как теперь? Слёзы просыхают, сердца бьются звучнее, улыбки слетают с губ и слышатся поздравления, озвученные звонкими голосами. Человек может быть счастлив, только не нужно тянуться к счастью руками, оно исходит изнутри и через руки тоже.

Заснеженное дерево стучится замёрзшими ветвями в окно моего кабинета. Жёлтые, как самаркандские лимоны, синички весело щебечут в лучах короткого зимнего солнца, а розовые яблоки снегирей ершатся и молчаливо вскидывают серебристо-серые крылья, греясь на декабрьском морозе. Жизнь не спит, жизнь создается и зимой, и ночью, Жизнь Живёт.

В перерыве между психотерапевтическими сеансами два «канатных плясуна» пьют традиционный кофе и весело смеются.

У нас забавная профессия: мы не страдаем, мы умеем преодолевать страдание. Чтобы Жизнь созидалась, мнимые ценности нужно отпеть и похоронить со всеми подобающими им почестями – мёртвым не место в царстве живых. Мы патологоанатомы мнимых ценностей и акушеры радости – что у нас за профессия?

Шумной толпой в кабинет вваливаются смеющиеся обитатели клиники, с десятков, может, больше. Смущаются, теснятся, переминаются с ноги на ногу. Блестящие глаза, улыбающиеся лица, поздравления, шутки, смех и прочие подарки благодарной радости.

На Новый год клиника должна опустеть, а я надеюсь, что когда-нибудь «канатные плясуны» и вовсе останутся без работы. Безработные, они переквалифицируются в Танцоров.

Внезапно с улицы донёсся странный, сначала едва различимый, но с каждой минутой всё возрастающий шум, он стремительно приближался. То играл марш. Весёлый марш из какой-то старой, знакомой по детству телевизионной комедии.

Моё окно глядится во двор, так что я вышел из кабинета и прошёлся по коридору. Все, кто был здесь, буквально прилипли к окнам и звонко кричали: «Смотрите! Смотрите! Ничего себе! Смотрите!»

Я подошёл ко окну. Улица пестрела смеющимися людьми в разноцветных карнавальных костюмах. И тысячи инструментов огромного, слаженного оркестра рождали мелодию этого весёлого, призывного марша: «Пам-па-ра-пам-пара! Пам-пам! Пара-ра-пам-пара!»

Золотистые трубы гремели дыханием трубачей, барабаны задорно подпрыгивали в руках виртуозных барабанщиков, звенели литавры, заразительно трещали кастаньеты, бряцали погремушки, струнные исходили на свист. Танцующие, протянувшиеся вдоль всей улицы, ликовали!

Впереди этой бравой процессии, пританцовывая, шагал загадочный церемониймейстер в длинном белом хитоне, опоясанный золотой бечёвкой, лихо вращая длинным лучащимся жезлом. Я узнал его.

«Заратустра!» – пронеслось в моей голове.

Я сорвался с места и побежал. Управляясь с тростью, как гребец с веслом перед ревушим водопадом, подскользываясь на ступеньках и спотыкаясь, я бежал, почему-то испуганный,

бежал, влекомый этими чарующими, незатейливыми звуками, доносившимся, казалось, из самого моего детства: «Пам-па-ра-пам-пара! Пам-пам! Пара-ра-пам-пара!»

Наша улица, обычно такая пустынная, тихая, запорошенная теперь ослепительно-белым, только что выпавшим снегом, открылась мне пёстрой радугой сочных цветов.

Арлекины, шуты, клоуны и комедианты, акробаты на катящихся батутах, жонглёры, пожиратели пламени, ловкачи на длинных ходулях, люди-птицы с огромными клювами, диковинные животные, драконы, извивающиеся над толпой на длинных подпорках, окружали меня со всех сторон.

Музыка, пение, хохот, крики, взрывы петард и хлопучек оглушали. Блестящие трубы, факелы бенгальских огней, яркие страусиные и павлиньи перья, струи серпантинных лент, целые облака конфетти, блестящие раскидайки, прочая мишура, красочные барабаны, тысячи вздымающихся рук, маски, наряды, флаги пестрили в глазах.

Растерянный и отчего-то встревоженный, я пытался разглядеть среди них Заратустру. Толпа мощной волной двигалась к набережной, он был впереди. Я увидел его, он оглянулся, мы встретились глазами. Он улыбнулся и помахал мне своим церемониймейстерским жезлом, на мгновение у меня отлегло от сердца, и я поднял в ответ подаренную им трость.

Он улыбнулся мне тихой улыбкой и вдруг исчез, словно испарился. Мне показалось, он упал, и снова невероятный испуг пронял меня с головы до пят. Расталкивая толпу, я кинулся к тому месту, где только что стоял Заратустра. Я путался в серпантине, торопливо раскланивался с участниками шествия, которые радушно предлагали мне присоединиться к их празднеству.

Я испытал вдруг какое-то невыразимое отчаяние, и непрошеные слёзы проступили на глазах поверх учтиво улыбающейся маски. Я бежал, расталкивал, раскланивался и бежал дальше, расталкивал, раскланивался и бежал, бежал... А музыка всё гремела и гремела: «Пам-па-ра-пам-пара! Пампам! Пара-ра-пам-пара!».

Он лежал на снегу в белом хитоне, расшитом звёздами, подпоясанный золотой бечёвкой. Шествующие аккуратно обходили его, словно не замечая, и двигались дальше, на набережную – и вправо, и влево, поднимались на парапет, спускались прямо на замёрзшую реку, двигались по мостам, заворачивали во дворы, на соседние улицы... Они шли и шли, а он лежал, лежал так, словно просто прилёг отдохнуть, на время, так, по сиюминутной прихоти.

Его голова стала совсем белой, как овечья шерсть, как снег, а босые ноги горели, словно раскалённая добела медь. Я упал подле него на колени, обнял за плечи, поднял дрожащими руками его в миг отяжелевшую голову... Заратустра открыл глаза, ясные, мерцающие нежным огнём, тихо улыбнулся и прошептал голосом тысячи убегающих вод:

– Радостно...

Его дыхание остановилось, глаза поблёкли, губы сомкнулись. Я прижал его серебряную голову к своей груди, где всё ещё билось сердце, теперь сильнее. По моим разгорячённым на морозе щекам покатались холодные, солёные слёзы. Я сидел так долго, раскачиваясь и улыбаясь в пустоту.

Шествие казалось нескончаемым, улица – магическим рогом изобилия, чем-то бездонным, бесконечным, дарящим – бездной. И эти счастливые, лёгкие в своём веселье люди в карнавальных костюмах всё шли и шли, шли и шли! Они были подобны реке, вышедшей из берегов, они заполняли собой весь город, раскрашивая его яркими красками. Не останавливаясь, они шли и шли дальше, через границы, через время, под хрустальными небесами, в окружении фаянсовых облаков и бисерной россыпи звёзд.

Темнело. С неба в тусклом свете уличных фонарей посыпались пушистые хлопья снега. А мы так и сидели посреди улицы вдвоём – он и я. Мои глаза были закрыты, я слушал тишину, обречённый, и слышал только размеренные удары моего сердца. Но вдруг прямо под моими

руками началось какое-то шевеление... Взволнованный, я поднял отяжелевшие веки.

И третий раз я испытал ужас: тело Заратустры, тело, сомкнутое в моих объятиях, на глазах обращалось в белёсый пепел. Оно горело, горело изнутри, стремительно, жадно! Я вскрикнул и что было сил прижал к себе Заратустру! Его тело нежно спульсировало в ответ, и частички белого пепла зашевелились, словно маленькие крылья ночных светящихся мотыльков. Отрываясь от сжигаемого бирюзовым огнём тела, они обращались в бабочек – разноцветных, воздушных, сияющих.

Через мгновение уже тысячи крыл заботливо трепетали вокруг меня. Они танцевали – весёлые, неутомные, нежные. Они касались моего лица, призывно тыкались в него хоботками и поднимались к перламутровому вечернему зимнему небу.

Мне кажется, что и сейчас я ощущаю на своих щеках нежное касание этих шёлковых крыл и бархатных хоботков.

Я выздоравливаю...

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

«Книга Андрея» – это и философский текст, и мистическое откровение, и проникновенная притча о Человеке. Всё зависит от точки обзора, от «точки сборки». Она – то, что вы в ней видите.

Анхель де Куатьэ говорит о «Книге Андрея», как о мистическом откровении. Вот выдержка из его письма: «"Книга Андрея" проникнута мистической силой, – пишет Анхель. – Когда я прочёл её, я понял, что передо мной не просто художественное произведение, не просто философский трактат. Передо мной – подстрочник мистического таинства, своеобразная стенограмма преобразования духа».

Но для большинства читателей, мне думается, «Книга Андрея» – это всё-таки притча. Притча о Человеке. Полуфантастическая история о путешествии главного героя по сложной и противоречивой реальности его внутреннего мира. Он рассказывает нам о страхе, отчаянии и одиночестве. О Силе Духа, о Царстве Света, о Дружбе.

«Книга Андрея» – это притча о преодолении смерти, ведь, как мы теперь знаем, «нет смерти в смерти, смерть только в жизни смерть». И только так можно стать Человеком.

Со своей стороны, мне бы хотелось сказать о «Книге Андрея», как о философском тексте. Разумеется, лишь в самых общих чертах. Поскольку подробный и всесторонний анализ занял бы очень много места, и его, конечно, должны делать специалисты.

«Книга Андрея» – это ничто иное, как своеобразное «Alter-ego» знаменитой и любимой многими книги Фридриха Ницше – «Так говорил Заратустра».

Фридрих Ницше вложил в уста своего Заратустры идею «вечного возвращения» и «миф о сверхчеловеке». Всё повторяется, жизнь ходит по кругу и возвращается на свой круг – так говорит идея «вечного возвращения». Убейте в себе человека, чтобы стать сверхчеловеком, убейте, чтобы возвыситься и подчинить мир себе – так говорит идея «сверхчеловека». Не трудно заметить, что эти идеи парадоксальны и противоречивы в сопоставлении друг с другом. И поэтому, видимо, нет ничего странного в том, что Ницше так и не смог завершить этот свой величайший труд.

Стать Человеком и прожить Жизнь Человека – вот вектора, на которых разворачивается её действие «Книги Андрея». И эти две истины не противоречат друг другу. Нам действительно ещё только предстоит найти в себе Человека, нам ещё только предстоит узнать, что есть подлинная Жизнь. Что она, если не «смертельная болезнь, передающаяся половым путем»?.. «Книга Андрея» – книга о будущем, в ней – устремлённость к будущему. И текст «Книги», с философской точки зрения, это не пророчество и не предостережение, а предложение выхода. Или, быть может, правильное сказать – входа.

Структурно «Книга Андрея» практически полностью идентична своему «его». Те же главы, те же тематики, та же специфика образов, что и в «Так говорил Заратустра». Даже динамика сюжетных линий в двух этих книгах синхронизирована. Однако, содержание, равно как и суть «Книги Андрея» кажутся совершенно другими, обратными, вывернутыми на изнанку. Это полемика без полемики, утверждение без опровержения. Это не спор, это со-общение.

Текст «Книги» кажется реверансом в адрес постмодерна (учитывая отношение к текстовому материалу, сочетание и обыгрывание стилистик). Хотя это, конечно, не постмодерн. С другой стороны, он может восприниматься как структуралистический, поскольку структуры ясно проглядываются как в каждом из элементов текста, так и тексте, взятом целиком. Однако, это не структурализм... Так что, даже с философской точки зрения, в этой книге есть какое-то

ТАИНСТВО.

Издатель